

Василий Горнухин

Покаяние

Предисловие.

В этом повествовании изменены лишь имена героев и частично даты и время некоторых событий и фактов; в основном вся повесть отражает действительные события происшедшие до эпилога.

Цель написания этой повести, помочь понять каждому человеку, что его жизнь на этой земле не случайна. Что Господь с детства, с рождения заложил ту духовную искорку в сердце человека, но которую мы не возжигаем, а, напротив, стараемся затушить нашими плотскими, материальными потребностями, уходя от детской, чистой духовной жизни. В жизнь отягчающую материализмом и грехом, теряя связь с Отцом.

Но милость Божия велика! И Он попускает, помогает Кольке найти его, но через что?!

Так не лучше ли каждому остановиться, задуматься, что без Бога идти дальше опасно – смертельно опасно!

Остановиться, покаяться и обрести с помощью Бога ту детскую чистую жизнь, которая началась с рождения, но была утеряна нами...

«... Жизнь и смерть предложил Я тебе... избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа Бога твоего, слушал голоса Его и прилеплялся к Нему, ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих...» (Второзаконие 30: 19)

Книга 1.

«Ибо возмездие за грех – смерть,
а дар Божий – жизнь вечная во Христе
Иисусе, Господе нашем». (Рим 6:23).

Пролог

I

Шестое февраля 1920 года. Центральная пересыльная тюрьма в пригороде Иркутска.

В одной из камер в подвале тюрьмы медленно, в задумчивости ходил одинокий арестант. При беглом взгляде на одетого в шинель и шапку арестанта можно было предположить, что он собрался идти на допрос или еще куда-либо. Но, на самом деле, одет в шинель и шапку арестант был по причине холода в камере. Камера была угловая, отапливалась из коридора, посредством дымоходов в стенах, а поэтому две ее стены во время ветров и сильных Сибирских морозов оставались ледяными.

Арестант, погруженный в свои тяжелые раздумья, иногда потирая руки от холода, уже половину ночи ходил и ходил по камере, вспоминая свои прожитые годы, и думал о будущем. Думал он о будущем России - его многострадальной и любимой родине: что будет с ней?

Арестантом был адмирал Александр Васильевич Колчак, которого наутро выведут из этой камеры и из этой тюрьмы, и совсем недалеко, на речке Ушаковке, расстреляют.

Александр Васильевичу очень хотелось курить. Но он не стал просить конвоира, который находился в коридоре и решил перетерпеть, а сила воли у него была огромная. Да и не хотелось прерывать ту нить размышлений, которая вопреки его разуму исходила логичной последовательностью откуда-то из глубины его сердца.

Сейчас, перебирая в памяти разговоры и споры наедине с Пепеляевым, Колчак корил себя за свое упорство. Не будь он так настойчив и согласись с Пепеляевым, то, может быть и не находился бы он в этой холодной камере, из которой, всего скорее, одна дорога – в могилу. Может, и он ушел бы с генералом через северные таежные тропы на восток, обойдя Байкал слева. Конечно, пришлось бы бросить большую часть армии на произвол судьбы, но может быть, эти издержки в дальнейшем окупилась бы победой? Ведь, как бы то ни было, а у него осталась основная часть золотого запаса России, которую надежно спрятали в тайге. Конечно, часть золота пришлось потратить на оружие, которое покупали у японцев. Но то, что осталось, могло бы впоследствии принести немалую пользу в деле освобождения России от красной чумы. Слава Богу, ни Пепеляев, ни другие генералы, да и никто вообще, не знают, где находится оставшаяся часть золота и валюты. Но вот, доведется ли выйти из этой тюрьмы? И если доведется, то когда?... Нет, не мог этот честный русский офицер поступить иначе. Не мог он бросить свою, хоть и распадающуюся армию на произвол судьбы. Предательство не в его характере этого истинного патриота и интеллигентного офицера русской армии!

И еще в мыслях Колчака всплывал страшный вопрос: что будет с планом, на котором указано место захоронения золота? План этот нанесен на кальку, зашифрован, и шифр знает только он один. Но в жизни всякое бывает. И хотя план этот спрятан в гильзе папиросы, папироса в его золотом портсигаре, но, вот, портсигар у него забрал начальник конвоя чехов, когда чехи коварно ворвались в штабной вагон бронепоезда, чтобы арестовать адмирала.

Быть может тот чех и выкинет окурок папиросы с зашифрованным планом... А если вдруг он обнаружит этот план и пойдет к начальству....? Что тогда?

... Тяжелые мысли не отпускали Александра Васильевича... Как же звали этого чеха? Ах, да, вспомнил! Йозеф Валахович!

II

Мысли о том, что нужно подготовить тайник для золотого запаса, который следовал в двух бронированных вагонах в середине состава бронепоезда, возникли у Колчака после начала разногласий в штабе армии между генералами и лично у него с ближайшим его соратником генералом Пепеляевым. От генерала Дитерихса так же поступали секретные сообщения, что японская разведка затевает какую-то каверзу в отношении золотого запаса. Начинали бузить и чехи... Вокруг золотого запаса велось слишком много разговоров.

Все эти обстоятельства навели Александра Васильевича на мысль о необходимости на время спрятать понадежнее всё золото и валюту до лучших времен.

О своем намерении он не обмолвился ни единым словом ни с кем, даже с генералом Пепеляевым. Еще служа на севере во флоте, Колчаку самому приходилось прокладывать маршруты и наносить их на карту. Он был знаком и с картографией, и с геодезией, а так же неплохо знал маркшейдерское дело. Всё это позволило теперь лично выбрать маршрут, по которому он собирался отправить обоз с золотом, нанести этот маршрут на кальку, предварительно зашифрованный морскими милями и только ему одному известными цифрами и

названиями. А затем сделал копию в традиционных измерениях и вызвал личного адъютанта. Ему предстояло возглавить спецвзвод, который без лишнего шума подготовил обоз из трех десятков возов, конфискованных в окрестных селах и деревнях. Глубокой зимней ночью тяжело груженный обоз, сопровождаемый тем же спецвзводом, двинулся от КВЖД в тайгу.

... Через неделю бронепоезд догнал только один адъютант, который, впрочем, скоропостижно скончался от какой-то внезапной хвори. О причине смерти лишних толков не было. В то время в истерзанной войной и голодом России во всю свирепствовал тиф. И люди гибли и умирали тысячами.

Хотя план места, где спрятано золото и был зашифрован, адмирал решил подстраховаться. Он достал свой золотой портсигар, вынул из него папиросу и, закатав тонкую кальку с планом, вставил её в гильзу. Убедившись в том, что эта папироса ни чем не отличается от других, Колчак для себя пометил ее тонкой риской и снова вложил в портсигар. Дело было сделано, и на душе стало гораздо спокойнее.

Через несколько дней от Колчака все-таки ушел Пепеляев, сманив с собой значительную часть войск. Это позволило чехам взбунтоваться, арестовать и предать адмирала. При аресте у него изъяли вместе с личным оружием и портсигар. Колчак лишь запомнил, что хорунжего, который командовал отрядом чехов и забрал его портсигар звали Йозеф Валахович...

III

Тягостные раздумья адмирала прервал сильный взрыв, раздавшийся снаружи тюрьмы. Видимо в городе еще неспокойно. Взрыв был такой силы, что на стене камеры образовалась трещина, а из кладки вывалилась половина кирпича. Это обстоятельство направило мысли Колчака в новое русло. Уж коль портсигар с планом захоронения золота у неприятеля, то скорее всего, искуриив очередную папиросу, новый владелец выкинет окурочок, а вместе с ним и шифровку в небытие... А значит надо попытаться оставить потомкам, если его расстреляют, новую весточку.

Да, адмирал ненавидел большевистскую власть, но он очень любил свою Родину. Он верил, что придет время, и снова Святая Русь, его родная Россия, расправит свои крылья, очистившись от этой красной чумы. Настанет время, и даст Господь Святой Руси нового царя, помазанника Божьего! Вот для этого времени, для этой, обновленной, России и решил Александр Васильевич Колчак оставить свое послание и план того места, где спрятан золотой запас.

Подозвав надзирателя, он попросил у него новую свечу и, когда тот принес ее и ушел, Колчак принялся за работу. Вначале он расчистил то отверстие, из которого выпал осколок кирпича и получилось что-то наподобие тайника (благо, что эту часть стены не было видно через глазок двери). Затем разобрал ненужную теперь зажигалку, освободив корпус-гильзу под записку.

Возникла проблема на чем писать эту записку. Взяв свечу, Колчак обошел свою камеру, обшарил все углы, и наконец-то возле оконной решетки обнаружил клочок бумаги. Затем из матраца он достал пучок соломы и выбрал подходящую для письма соломину. Размотав повязку на раненой ноге, он обнаружил, что рана от осколка еще кровоточит, и сейчас это обстоятельство не огорчило его, а, напротив, обрадовало.

Минут через двадцать перед ним лежал клочок бумаги, на котором мелким убористым почерком было написано следующее: «Верю в освобождение России! Молю Бога о том! Заклинаю именем Господа Христа, Владыки неба и земли, того, кто найдет это послание, а затем и золото, поступить, как подобает христианину и истинному сыну своей Родины. Пусть Господь благословит, направит сердце этого человека потратить это золото на пользу людям, на процветание России! Во славу Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! А. Колчак».

Ниже был нарисован достаточно разборчивый план того места, где был спрятан золотой запас Российской Империи.

Адмирал Колчак тщательно высушил записку, плотно ее скрутил и дополнительно завернул ее в тонкую кожу, которую с трудом отслоил от хромового сапога. Засунув маленький рулончик в гильзу от разобранной зажигалки, он залил его воском от горящей свечи и еще раз обернул гильзу кожей. Теперь оставалось положить послание в тайник и заложить осколком кирпича, а чтобы тот не вывалился, Александр Васильевич покрепче расклинил его осколками. Чтобы не было так заметно, колчак нарвал мелко тряпок, пережог их с соломой и смешав с кирпичной пылью и горячим воском, тщательно затер щели. К этому времени свеча догорела и камера погрузилась во мрак.

В изнеможении Александр Васильевич опустился на кровать, но сон не шел. Какое-то смутное предчувствие, не покидавшее его с вечера, с новой силой овладело им. Полежав какое-то время, Колчак услышал шаги и движение в коридоре подвала. Шли несколько человек, и Колчак внутренним чувством понял, что это идут по его душу. Он быстро встал на колени и здесь в темной, промозглой камере перекрестился и зашептал молитву. Через минуту дверь камеры отворилась и вошел надзиратель с керосиновой лампой в сопровождении еще нескольких вооруженных людей.

Было раннее утро 7 февраля 1920 года. Это утро стало последним в земной жизни адмирала Александра Васильевича Колчака. Его вывели на лед реки Ушаковки, протекавшей неподалеку, наскоро зачитали приговор и привели его в исполнение.

IV

Г. Иркутск. 1996 год.

... В подвал Иркутского централа (СИЗО № 1), где располагались камеры арестантов, приговоренных к высшей мере наказания – смертной казни, в сопровождении дежурного офицера и начальника тюрьмы направлялась группа людей, или лучше сказать экскурсия. Чтобы посмотреть камеру, где когда-то содержался адмирал Колчак.

В составе делегации были такие люди как депутат Глеб Якунин, глава администрации Иркутской области и другие известные лица. Для узника камеры № 99 было не ново, что очередная экскурсия пришла посмотреть эту камеру. Совсем недавно сюда приходили даже японцы. Он безразлично подумал: «Ну что интересного находят взрослые люди в этих мрачных стенах, чем привлекает людей это скорбное место, где витает дух тоски, скорби, ужаса и крови? Камера. Как камера, ничего в ней необычного нет».

Дверь камеры распахнули нараспашку, только блокирующая решетка была заперта, и узник видел и слышал, как начальник тюрьмы, словно профессиональный гид, рассказывал этим людям о том, что в свое время в этой камере содержался адмирал Колчак и что отсюда его увели на расстрел в феврале 1920 года.

Узник слушал речь начальника и думал: «Вот и меня в свое время отсюда выведут... И понятно, куда».

V

«18 февраля 1997 года, в 22 часа по Московскому времени в г. Иркутске произошло землетрясение. Сила толчков составляла 4,2 балла по шкале Рихтера. Радио «Маяк».

VI

1979 год.

Чехословакия. Прага. Район Браштина.

Душан Галис, инженер по сборке технологического оборудования для целлюлозно-бумажной и лесной промышленности, оторвался от рабочих чертежей и поднял трубку резко зазвонившего телефона. На том конце провода, как любил говорить Душан, он услышал приятный бархатистый голос секретарши его шефа: «Душан, тебя срочно просит зайти к нему в кабинет наш начальник, поговорить!»

Душан взглянул на часы. Был конец рабочего дня. Заперев чертежи в сейф, он направился в кабинет начальника. Тут Душана ждал приятный сюрприз. Начальник объявил, что его, как инженера и особенно, как специалиста по сборке оборудования, хорошо знающего русский язык, хотят направить в Советский Союз на стройку СЭВ в сибирский город Усть-Илимск.

Начальник пояснил ему, что по договору они поставляют для монтажа Усть-Илимского целлюлозно-бумажного комбината сложное технологическое оборудование. Сборку агрегатов и узлов будут производить на месте советские специалисты, но курировать и запускать в эксплуатацию должны поставщики. Вот, для этой цели и направляется в далекую Сибирь Душан.

- Ты согласен? - спросил начальник. У Душана не было слов от восторга.

- Ну что ж, иди в производственный отдел, оформляй документы, потом в бухгалтерию, и с Богом. Не подведи нас там.

На этом сюрпризы не закончились. Самый главный сюрприз ждал его дома. Когда он сообщил о предстоящей командировке, мама сразу стала хлопотать о вещах и прочем багаже, который Душан возьмет с собой. По-другому отреагировал дед. Душан заметил, что тот как-то странно изменился и погрузился в задумчивость. Лишь поздно вечером дед предложил внуку серьезно поговорить и пригласил его к себе в комнату.

Разговор был долгий и необычный.

Старый, 83-х летний Йозеф Валахович, опуская ненужные подробности, рассказал внуку, что когда-то, в молодости, ему пришлось воевать в России в особой чешской дивизии, которая входила в армию Колчака.

Дослужился Йозеф до чина хорунжего. В зиму 1919-20 годов армия Колчака, а вместе с нею и бело-чехи, отступала в глубь Сибири. Зима была холодная. Начался голод. Тиф, голод и холод косили солдат сотнями. На пятки наступала красная армия, а путь отступления по КВЖД тоже был отрезан. Армия Колчака оказалась в тисках. Начался разброд, саботаж.

Именно в это время в дивизию чехов пробрался лазутчик и сообщил. Что если дивизия чехов, которой пока доверяет Колчак, арестует адмирала и сдаст его большевикам, командование красной армии гарантирует дивизии беспрепятственный проезд через территорию России в Чехию. Солдат и офицеров пожелавших служить в красной армии командование обещало обеспечить всем необходимым питанием и обмундированием.

Всем нам хотелось домой, на Родину, и наше командование под натиском солдат пошло на этот сговор. Мне лично пришлось принимать участие в аресте Колчака. Взяли мы его ночью, без лишнего шума. Способствовало нашему успеху и то, что к тому времени часть его войск и штаба ушли на северо-восток. Наша дивизия ночью оцепила бронепоезд, в котором был штаб армии Колчака, и почти без жертв провела аресты.

При аресте адмирала мне под руку попал его портсигар. С табаком в то время было плохо, и я искусила и положил портсигар в карман своей шинели... Прошло немного времени и, как ни экономили, мы с товарищами искурили все папиросы. Как-то, стоя у костра в ожидании обеда, я достал последнюю папироску. Было очень холодно, руки у меня окоченели и плохо слушались. Папироска сломалась и табак высыпался на снег, а гильза раскрутилась. Я уже хотел бросить то, что осталось от папиросы, но вдруг заметил, что тут есть какая-то тонкая прозрачная бумажка с цифрами и буквами. Зажав в кулак ладонь с бумажкой, я отошел подальше от костра и людей и спрятал бумажку в шапку. В моей шапке была прореха от осколка, вот туда я и засунул бумажку.

Через три месяца мы были уже на родине, в Чехословакии. И вот здесь я решил продать портсигар, так как он был сделан из золота, а деньги мне в то время были очень нужны. На те деньги, которые я получил в результате продажи портсигара ювелиру из Праги Штайнеру Зеленке, да еще на выходное пособие при увольнении из армии, я купил этот дом, а затем женился на твоей бабушке.

В это же время вспомнил я и о бумажке, благо, я не выбросил в мусор свою шапку. Несколько раз пытался я с помощью своих знакомых топографов, географов и шифровальщиков расшифровать то, что скрывается в этом клочке бумаги, но так и не смог докопаться до истины. Мнения всех специалистов сводились к одному: расшифровать этот документ-шифровку, - а они не сомневались, что это какой-то зашифрованный маршрут-план, - можно только в одном случае: надо начинать с России, а точнее с Сибири, с тех мест, где мне пришлось воевать. Со временем я оставил эту затею, но вот сейчас, когда ты, Душан, сообщил, что едешь не просто в Россию, а именно в Сибирь, я вспомнил о той бумажке с тайнописью.

Душан, ты мой любимый внук, и я не хочу тебе неприятностей, поэтому ты можешь отказаться от того, что я тебе сейчас предложу. Ну, а если ты согласишься на мое предложение после того, как я объясню тебе суть дела, то тебе надо будет быть предельно осторожным и внимательным. Как бы то ни было, едешь ты в СССР, а КГБ – страшный аппарат, не забывай этого. Пока ты собираешь вещи, я перекопирую эту шифровку на кусок материи, чтобы можно было вшить его в одежду и безопасно провезти через границу. Ну, а затем мы с тобой еще раз обстоятельно поговорим о дальнейших твоих действиях в России. Ты согласен, Душан?

- Дед, я верю тебе, и потому говорю, да!

- Ну, вот и славно. Иди к маме и займись сборами, а я займусь своим делом.

VII

В ночь с 18 на 19 февраля 1997 года в подвале Иркутского централа, где содержались в ожидании своей участи приговоренные к смертной казни узники, как всегда, почти никто не спал. Спали здесь, в основном, днем, а ночью, наоборот, было, как говорят зэки, самое интенсивное «движение»: кто-то затягивал общак по канализационной трубе, кто-то переговаривался с соседом, изливая наболевшее на душе, кто-то просто ходил в задумчивости по камере и перебирал в памяти прожитые годы... В общем ночная жизнь здесь доминировала над дневной. Впрочем, сейчас узников занимал другой вопрос. На исполнение смертных приговоров наложен мораторий, и в сердцах арестантов поселилась надежда на жизнь, а от этого и настроение было не такое мрачное. Ужас ожидания смерти сменился проблеском надежды на дальнейшую жизнь.

В камере № 99 арестант по имени Николай оделся потеплее и решил подремать пару часиков до завтрака. Камера была угловая, угол стены промораживался так, что лед на стене внутри камеры в особо морозные дни намерзал толстым слоем от бетонного пола до потолка.

По ночам Николай подсоединял к розетке электрическую спираль, которую днем тщательно прятал, чтобы не забрали при шмонке. Но и спираль мало помогала. Шконка в камере располагалась возле наружной холодной стены, и спать приходилось в робе, в носках, (а то и в ботинках) и в шапке.

Вот и сейчас Николай оделся потеплее и собрался прилечь, но почему-то встал посреди камеры и подумал: а как же здесь раньше-то люди сидели? Сейчас батарея водяного отопления есть. Хотя она небольшая, да и греет в пол силы, но вместе со спиралью какое-то тепло в камере есть. А как же здесь сидел тот же адмирал Колчак когда-то? Наверное еще холоднее было? Ведь раньше камеры отапливались только дымом, который проходил через дымоходы в стенах от печки в коридоре.

Где-то Николай раньше читал, что, когда пришли за Колчаком ночью в феврале 1920 года, то увидели, что адмирал был уже одет в шинель. И бытовало мнение, что Колчак оделся, будто предчувствуя, что именно этой ночью за ним придут... Но сейчас Николай догадывался, что шинель адмирала надел просто от сильного холода в камере...

Не успел Колька додумать свою мысль, как вдруг ощутил какой-то непонятный страх. Даже не страх, а ужас. Затем послышался непонятный гул, и пол под ногами Кольки ушел в сторону. Николай ухватился за шконку, чтобы не упасть, и услышал, как трясутся и дребезжат блокирующие решетки. Свет в камере погас, от чего стало еще страшнее, а из коридора он услышал испуганные крики... Через несколько секунд всё стихло, только свет не загорался. По догадкам и по разговору из камер он понял, что в Иркутске произошло землетрясение.

Колька чиркнул спичкой. Взглянул на часы, они показывали три часа утра. Еще при свете догорающей спички он успел заметить, что на боковой торцевой стене появилась трещина. Вот дела, - подумал Колька, - то самолеты в этом городе падают, то землетрясение, то еще какие-то чудеса! Видно много крови пролито в этом городе за историю его существования, вот и вопиет эта кровь к людям посредством этих катастроф и катаклизмов. Колька уже уверовал в Господа Иисуса Христа и точно знал, что в жизни случайностей не бывает, а всё закономерно. А если проще, - за всё надо платить.

Когда же люди поймут, что только покаянием пред Господом можно остановить возмездие за грехи свои, зерна которых и их всходы сеем и пожинаем сами же мы!!!

Минут через десять загорелась лампочка в нише за решеткой на стенке камеры. Колька осмотрел трещину в стене. Сквозной дыры не было, хотя из стенки выпал осколок кирпича, ветер не задувал в камеру, а значит, он не замерзнет. Взгляд Кольки упал на бетонный пол, и

он увидел какой-то странный предмет, вначале показавшийся ему камешком, но довольно необычным. Колька поднял этот предмет и обнаружил, что это сверточек кожи. Сняв осторожно верхний слой кожи, он обнаружил гильзу-зажигалку. Внимательно рассмотрев ее, Колька понял, что внутри гильзы что-то есть! Он достал спрятанный в начке (тайнике) гвоздик и осторожно вынул содержимое гильзы. Когда он извлек и развернул бумажку, то обнаружил на ней надписи буквами и цифрами бурого цвета. Подойдя ближе к свету, Николай стал внимательно читать: «Верю в освобождение России! Молю Бога о том! Заклинаю именем Господа Христа Владыки неба и земли того, кто найдет это послание, а затем и золото, поступить, как подобает христианину и истинному сыну своей Родины. Пусть Господь благословит, направит сердце этого человека потратить это золото на пользу людям, на процветание Святой России! Во славу отца и Сына и Святого Духа. Аминь! А. Колчак». Ниже Колька рассмотрел план какого-то определенного места. Что-то знакомое увидел он на этом плане, в этих обозначениях и цифрах! Он еще раз внимательно рассмотрел чертеж и цифры и вдруг вспомнил, где и когда он уже видел нечто подобное! Только в отличие от того чертежа и плана, зашифрованного непонятными, так в то время и нерасшифрованными записями, этот был прост и ясен. Колька рассмотрел на клочке бумаги линию железной дороги, а так же названия станций и других населенных пунктов. Названия были сокращены, видимо из соображений экономии бумаги, но знающему географию этих мест, знакомому с геодезией и картографией, Кольке, не составило особого труда разобраться в этом плане. Единственное, над чем надо было потрудиться – это перевести версты, которыми были обозначены расстояния и маршруты на плане, в километры.

Когда Колька осознал, что за бумажку он держит в руках, его забила нервная дрожь. Он понял, что в руках у него план того места, где захоронено золото и валюта Российской Империи, золотой запас России, который возил в двух бронированных вагонах адмирал Колчак. И ведь именно подобный план держал в своих руках Колька много лет тому назад, когда был еще на свободе. Только тот план был тщательно зашифрован, и в то время они так и не смогли расшифровать его... а затем чех, которого кажется звали Душан Галис, погиб при загадочных обстоятельствах, сгорев в своей комнате при пожаре в общежитии, в результате которого остались одни угли.

Конечно, скорее всего, по иному сложилась бы судьба Кольки, если бы тогда они расшифровали тот план, но... Впрочем, сейчас Колька был уже другим человеком. Он уверовал в Господа Иисуса Христа и знал, что всё делается в свое время и на всё воля Господа Бога нашего.

Но что же делать сейчас с этим планом? Ведь его могут найти при шмоне. Даже если он и спрячет эту бумажку с планом в камере, то его могут в любое время перевести из этой, так называемой Колчаковской, камеры в любую другую освободившуюся камеру?! А если спрятать в одежде, то опять же, при переводе его досконально прошмонают и могут найти этот клочок бумаги, а расставаться с этим планом Кольке уже не хотелось. Он решил помолиться Господу и попросить у Него вразумления и совета, ведь не однажды уже наставлял его Господь Духом Своим Святым на верные и угодные Ему поступки. Колька тут же встал на колени и стал говорить Богу о своих проблемах. Молитва его была своеобразна. В отличие от других верующих, которые молились по каким-то определенным канонам и уставам, он разговаривал с Господом, как когда-то в детстве с мамой или с отцом. Колька верил, что существует Вечный, Всемогущий живой Бог Дух, сотворивший этот мир и всё, что в нём. И, если Он сотворил ухо и глаз, то и Сам Он все видит и слышит. Колька уверовал во Иисуса Христа Сына Божьего, воплотившегося две тысячи лет назад на земле, распятого и воскресшего. Колька верил в Единого Бога в трех ипостасях – в Бога Отца и Сына и Святого Духа. Вот поэтому Колька и молился так, как будто разговаривал с Отцом Небесным, искренне веруя, что Он его слышит и вразумит на путь дальнейший!

И Бог ответил на молитву Кольки. На ум пришла до удивления простая мысль: надо просто выучить этот план, вызубрить его досконально, заучить так, чтобы он врезался в память. Кто-то мог и не поверить, но Колька знал, что эту мысль послал ему Господь, и потому именно так и поступил... В дальнейшем он знал этот план так, что даже помнил, где стоят точки и запятые. Этот план, словно сфотографированный, прочно закрепился в Колькиной памяти. А самое главное, Колька верил, что не случайно все это произошло, но по воле Всевышнего, а значит, впереди его ждут новые удивительные события.

Колька слышал, как в соседних камерах обсуждается событие сегодняшней ночи, и невольно сам подключился к разговорам, благо, у всех были свои новости. Арестанты, долго сидящие в одиночестве и в постоянном нервном напряжении, бурно обсуждали прошедшее землетрясение: у кого-то отлетела штукатурка, у кого-то выпали кирпичи, у кого-то треснул потолок, а у кого-то отошла дверь... В общем, разговоров было достаточно.

В пять часов утра привезли завтрак, и дежурный по корпусу подтвердил, что действительно было землетрясение. И еще дежурный сообщил радостную весть: арестантам, приговоренным к смертной казни разрешили переписку с родными. Колька уже больше года не мог подать весточку своим родителям. Теперь он мог сообщить им, что еще жив. Он очень переживал за свою маму и отца, а потому первым его желанием было найти конверт и написать родителям. Слава Богу, у соседа, что сидел в камере напротив, оказались конверты, и дежурный после долгих уговоров согласился передать Кольке один из них. Сразу же, не откладывая, Колька написал родителям доброе, успокаивающее и обнадеживающее письмо, сообщил о себе всё и прилег на шконку, чтобы немного подремать до проверки. Однако и на этот раз заснуть ему не удалось. События этой бурной ночи настолько взбудоражили его, да, наверное, и всех обитателей централа, что спать совсем не хотелось. Он лежал на шконке прямо в одежде, накрывшись одеялом, и, несмотря на то, что было так холодно, что виден был пар от его дыхания, постепенно согрелся.словно какая-то теплая волна накрыла Кольку. Он мысленно переместился туда, где был дом, родители, дети. Вспомнил он и свое детство, и вся жизнь, словно в кино, потекла в его памяти.

ЧАСТЬ 1

Что имеем – не храним
потерявши – плачем...

Родился Колька в Поволжье. Детские годы и юность его протекали однообразно, как и у всех его сверстников. Районный центр располагался на правом, высоком, берегу красивой судоходной реки, которая впадала в Волгу. Заливные луга, старицы и леса, которые располагались по обоим берегам реки, были богаты всеми дарами природы, которым свойственно преобладать в этих местах.

Много было и озер в этом районе, которые не имели недостатка в рыбе и другой живности. Одним словом природа этих мест была замечательной, и Колька с самого раннего детства очень любил эти края.

Как и у всех его сверстников, детство и юность Кольки в основном прошло на этой реке. Здесь он ловил рыбу и учился плавать. Были случаи сам тонул, но были случаи и тонущих спасал. Всякое было. Страна еще не совсем окрепла от страшной войны с Германией, и большее время отец проводил на работе. Мама тоже работала зачастую без выходных, поэтому Колька большее время был предоставлен сам себе. Благо, что еще бабушка присматривала за ним и внесла свою лепту в его воспитание, что впоследствии сыграло немаловажную роль в жизни Кольки. В школе он учился неплохо. Родители его, даже получали благодарности в школе на собраниях за хорошую учёбу и примерное поведение.

И хотя Колька, как и все его сверстники и друзья детства, бывало, шалил и лазил по чужим садам, но постоянно его снедало чувство стыда после этих походов; совесть обличала его, он отказывался лезть в сад к одинокой старушке или к инвалиду войны. Друзья смеялись над ним за его, как они думали, нерешительность в отдельных случаях, хотя очень уважали его за смелость, находчивость и правоту.

Несмотря на достаток в доме, отец Кольки не хотел, чтобы он празднично гулял во время летних каникул, а сам зарабатывал себе на велосипед и другие мальчишечьи потребности. Вот и работал Колька по месяцу каждое лето с пятого класса, то подпаском, то автослесарем в гараже леспромхоза, то на ремонте узкоколейной железной дороги.

В районе, в основном, преобладали смешанные леса, и среди этих лесов было немало озер с чистой, прозрачной водой. Но самым уникальным озером в районе считалось по праву озеро Светлояр. Еще до того, как Кольке пришлось побывать на этом озере, он слышал о нем много удивительных и интересных рассказов.

Согласно легенде, когда-то, во времена нашествия татаро-монголов на Русь, на месте этого озера стояла крепость - острог «Град Китеж». И вот когда враги окружили острог, и, после длительной осады, не могли взять ее и покорить защитников крепости, они решили сжечь крепость, а оставшихся в живых русичей увести в полон. И, вот, в это время крепость неожиданно, на глазах изумленного врага, ушла под землю и только молитвенное пение защитников града Китеж долго отдавалось эхом в лесах Поветлужья... А на этом месте образовалось озеро.

Можно бы было и не поверить в эту легенду, но некоторые удивительные обстоятельства и факты наводили на мысль, что легенда отражает действительные события давно минувших дней.

Очень любил Колька бывать на этом озере и купаться, благо вода в нем была очень чистая. Вот только от поездки на озеро, а оно было в двадцати километрах от районного центра, в душе мальчика остался горький осадок. А дело было вот в чем: отец Кольки в те времена был ответственным партийным работником. Время было середина шестидесятых годов. Всеобщей идеологией в то время был атеизм, а на верующих в Бога людей оказывалось морально - психологическое и даже физическое давление. Отцу Кольки, по долгу партийной службы приходилось в выходные дни летом и, особенно в религиозные праздники, ездить на Светлояр с нарядом милиции.

Дело было в том, что вода в озере была не только чистой, но обладала еще одним удивительным свойством. Если ее набрать в бутылку, то она могла храниться хоть сколько и не зацвести!

Летом, в праздники, на озере было настоящее паломничество. Люди сюда приезжали даже из соседних областей, семьями, с детьми. Верующие люди крестили здесь своих детей. Некоторые верующие обходили озеро по периметру по три раза, а местами даже вставали на колени и так ползли по берегу, где был сухой берег, а не топь.

В фотоальбоме Колькиных родных хранилась фотография, на которой были запечатлены несколько ползущих женщин. Колька даже слышал от людей, что, побывав на этом озере и омывшись этой водой из озера, верующие люди исцелялись от болезней! И еще он слышал, что если приложить ухо к водной поверхности озера и подольше вслушаться, то можно услышать тихий перезвон колоколов со звонниц затонувшего града!

И вот, чтобы разгонять это паломничество, якобы дискредитирующее районную и государственную власть, и ездил сюда отец Кольки с нарядом милиции, и сына иногда брал с собой.

Бабушка Николая в то время тихонько, чтобы не видел отец, давала внуку бутылку, чтобы он набрал из озера воды. И Колька, хотя уважал и любил отца, не мог почему-то, отказать бабушке, и всегда привозил ей из поездки этой удивительной воды.

В то время ему было 10-12 лет, и он не совсем понимал, что происходило в стране, да и в жизни в целом. Отец говорил одно - бабка другое..., но какое-то смутное чувство подсказывало быть на стороне бабушки. И то интересно, что Колька видел, что отец побаи-

вается бабушку. Он даже разрешал держать в доме иконы, с условием - убирать их с виду, если в дом придут посторонние люди...

В памяти Кольки всплыло и то, как трактором рушили в одном селе церковь, и как голосили в это время женщины - словно по покойнику.

Не осталось незамеченным и то, как жили верующие соседи. Огород у них был не большой, но на нем всегда все выросло, на удивление, в избытке. Кольку всегда удивляло то, что даже в неурожайные годы, когда во всех огородах поселка был недород, у соседей в огороде не было недостатка в овощах, ягодах и фруктах! Словно какая-то невидимая Сила помогала соседям, словно они были под каким-то невидимым покровом.... Все это наводило на размышления детский ум мальчика, но юный возраст, да и «ветер» в голове, не давали долго заикливаться на столь серьезных вещах.

Но, самым удивительным было то, что муж соседки, который от рождения был глухой, хотя и шепотом, но заговорил!

Мама Кольки, в разговоре с бабушкой, говорила, что это чудо соседка вымолила у Бога!

По характеру Колька был совестливым и сострадательным пареньком. Поэтому ему всегда было стыдно и неловко перед соседскими ребятами за то, что остальные сверстники Кольки не брали их в свои игры. И не брали лишь за то, что соседские дети носили нательные крестики.

Порой Кольке казалось, что рядом, параллельно, протекает какая-то иная жизнь, он чувствовал это, каким-то, своим детским подсознанием, но уловить не мог этих нюансов из-за горячности своего характера...

Незабываемый случай произошел с ним, когда он во время летних каникул работал подпаском пастуха, который пас поселковое стадо. Подрядили Кольку в помощники к пастуху за 60 рублей, и он рассчитывал, что, отработав месяц, купит себе велосипед. Несмотря на то, что вставать по утрам приходилось рано - в пять часов, работа эта Кольке нравилась. С раннего утра и до позднего вечера он проводил время на природе, в своем лесу, который очень любил. Иногда они выгоняли стадо на реку, и Колька мог часами бултыхаться в воде, пока стадо стояло на стоянке. Однажды охраняя стадо со своей собакой, Колька увидел, что надвигается сильная гроза. Чтобы скотина не разбежалась во время грозы, пастух послал его на другую сторону гурта, а сам остался на месте. Стремительно надвигалась грозовая туча, а с ней и вспышки молний с раскатами грома. Грозы в этих местах бывают страшные, особенно если туча шла с запада, бывало, что и крыши с домов срывало, да и шаровые молнии не в диковинку.

Едва успел Колька добежать до другого края стада и спрятаться под высоким и густым деревом вместе с собакой, как тут же хлынул ливень, сопровождаемый вспышками молний и раскатистым треском грома. Место накрыла такая темнота, что Колька едва различал силуэты животных.

После очередной, очень яркой вспышки молнии, он почувствовал, что его опалило огнем и словно щепку отбросило от дерева. Раздался режущий слух треск то ли грома, то ли дерева, и Колька, лежа на спине, увидел, что дерево, под которым он только что сидел, разлетелось на щепки. Немного позднее, придя в себя, он с ужасом увидел, что его любимый Пират мертвый лежит возле обгоревшего, расщепленного молнией дерева...

После этого случая бабушка сказала Кольке, что это знамение, что это Господь постучался в сердце Кольке: - «Впусти!» Но Колька в это время не обратил особого внимания на слова бабушки, считая их за очередную сказку.

Особенно притягивала паренька река. Невдалеке от дома, на берегу реки росла густая дубовая роща, а за ней прекрасная песчаная отмель.

Весной, после половодья, когда вода еще не совсем спала, добраться до дубняка, можно было только вплавь, либо на плоту. Однажды Колька с друзьями и с двоюродными братьями решили переплыть в дубовую рощу с помощью бревна. Плавать самостоятельно в то время Колька мог еще плохо. Ухватившись за бревно и бултыхая ногами, они поплыли через ерик. На середине ерика бревно вдруг крутнулось, и руки Кольки соскользнули с

него. Колька испугался, запаниковал и глотнул воды..., что было дальше, он не помнил. Очнулся он на берегу дубняка, икая от спазма в желудке. Возле него хлопотали испуганные старшие двоюродные братья, которые и вытащили его со дна ерика. С этого времени Колька решил приложить все свои силы и волю, чтобы научиться хорошо плавать. И он этого добился.

А бабушка, узнав об этом случае, снова сказала, что любит Бог Кольку и когда-то достучится до его сердца.

Характеру Кольки была присуща справедливость, и зачастую, он даже страдал от этого. Однажды, уже учась в седьмом классе, он заступился за своих двоих одноклассников, которых несправедливо притесняли некоторые старшеклассники. Кольке пригрозили, что после уроков с ним тоже «поговорят».

После последнего урока Колька собрал человек семь своих одноклассников, надеясь, что те три старшеклассника, которые пообещали «поговорить» с ним, не рискнут напасть на них. Но получилось все не так, как предполагал Колька. Недалеко от школы их компанию догнали на велосипедах те три старшеклассника и, оттеснив от Кольки его товарищей, жестоко его избили. И не так он страдал от побоев и от потери крови, как от обиды на своих друзей, которые, имея численный перевес, испугались и не вступились за него. Колька забрел, едва живой, к бабушке, чтобы умыться от крови, а на вопросы бабки со злостью кричал, что жестоко отомстит обидчикам...

А бабушка, глядя на него злого, взъерошенного и побитого, вдруг тихо и задумчиво прочитала, запомнившиеся на всю жизнь слова:

*Не размышляй, не хлопочи,
Безумство ищет, глупость судит.
Дурные мысли сном лечи,
А завтра быть тому, что будет.
Живя, умей все пережить –
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего жалеть? О чем тужить?
День пережит - и, слава Богу,*

Измученный Колька, забыв про побои, спросил бабушку: «Бабушка! Что за поэт сочинил эти прекрасные стихи? Мы в школе это по литературе не проходили, пока ...»

«Коленька, - это стихи благословенного русского поэта Тютчева; хороший был поэт, я люблю его стихи»

Так, неожиданно для себя, Колька увидел еще одну красивую страницу бабушкиного характера.

Оклемавшись от побоев, Колька не стал жаловаться никому. Ни своим старшим двоюродным братьям, ни, тем более, отцу. Он сам для себя решил, что отныне займется своей физической подготовкой, чтобы никогда в дальнейшей жизни не быть в таком постыдном положении. Для этого он купил себе боксерские перчатки, перетащил от клуба никому, в общем-то, не нужную штангу, поставил в саду турник - перекладину и с упорством и даже каким-то фанатизмом, занялся спортом, а вернее боксом.

Много в последствии приходилось ему драться; и один на один, и даже одному с двумя и тремя, но никогда его уже так не били и не унижали. Впрочем, и дрался-то он в основном ради справедливости, защищая слабых, противостоя сильнейшим и наглым людям...

Вспомнились Кольке и курьезные, даже комичные случаи из его жизни.

Однажды мама попросила Кольку наудить рыбы, чтобы на Троицу испечь пироги. Очень любили в Колькиной семье пироги с рыбой. Накануне рыбалки домой он пришел поздно, и мать едва растолкала его в три часа утра. Колька быстренько накопал в саду червей, надел плащ, резиновые сапоги - болотники и уже часа в четыре утра сидел с удочкой на крутом яру Ветлуги. Часа с два клев был неплохой, и он неплохо наловил и стерлядок, и подлещиков с язями, и другой рыбы. Но затем подул ветерок, и клев стал хуже.

Колька завернулся поплотнее в плащ, надел на голову капюшон и решил посидеть с удочкой еще часик. Он и не заметил, как задремал.

В это время по берегу реки медленно передвигалось стадо скота, которое выгнал из поселка пастух. Стадо мирно проходило мимо дремавшего Кольки, смачно пощипывая сочную траву. А Кольке в это время снился сон: он был на ринге и бился с соперником уже второй раунд. Вот соперник потерял защиту и дал возможность Кольке нанести удар. Колька не упустил этой возможности и провел хук правой рукой ... А в это время позади Кольки и даже задевая его мордой, мирно пощипывал травку здоровенный бык из стада.... Морда быка была как раз позади Кольки, когда, вдруг, фигура в плаще резко повернулась, и бык получил резкий, неожиданный удар прямо в нос! Такой наглости бык не ожидал! А Колька проснулся и увидел напротив себя, совсем рядом глаза.. Глаза эти были большие и страшные, в глазах этих виделось такое бешенство и молнии, какое Колька видел у кота Леопольда в мультике, когда Леопольд выпил таблетки-«озверина». Не успел Колька понять, в чем дело и сориентироваться, как разъяренный бык нанес ему удар головой и этим ударом сбросил Кольку в реку. Бегая по берегу и меча из глаз молнии гнева, бык не давал Кольке влезть из реки на яр. Благо, что Колька выскочил из болотников при ударе и теперь ему полегче было держаться на воде. Кольке пришлось проплыть вниз по течению реки, чтобы выбраться на берег вдали от стада. И то хорошо, что пойманную рыбу Колька держал на кукане в воде, иначе этот взбешенный бык растоптал бы весь улов. Но этим приключение не ограничилось. Невдалеке от места, где рыбачил Колька, стояла домушка бакенщика дяди Никаши. Дядя Никаша жил в поселке с семьей, но основное время проводил на реке, смотря за бакенами. Он постоянно был под «хмельком», так как бражка у него в домике не переводилась. Дядя Никаша говорил, что на реке ветрено, холодно, а поэтому нужен постоянный «подогрев». Вот Колька и решил зайти к бакенщику и подсушиться у печки, так как он видел, что из трубы домика шел дым. Колька пошел по отмели, под прикрытием яра в сторону домика. Стадо в это время по лугу передвигалось в том же направлении.

В то же самое время, выпив с утра для тепла и настроения души бражки, дядя Никаша бакенщик, как всегда, пошел заводить свой стационар в лодке, чтобы плыть выключать фонари бакенов. Он наклонился над мотором в лодке и весело, что-то напевая, готовил мотор к заводке.

Колька, так же, все ближе и ближе подходил к причалу бакенщика. Идти ему было плохо, так как под яром берег был илистый, топкий и ноги у него вязли по щиколотки, а то и по колено в иле. Вылезти же на яр он не мог по той причине, что там еще ревел взбешенный бык.

Тем временем стадо приблизилось к резиденции бакенщика.

У дяди Никаши плащ был одного фасона, что и у Кольки. Разъяренный бык, потеряв объект своего мщения, с ревом поглядывал по сторонам, ища бешеными глазами своего обидчика. Его гневному взору предстала склоненная к лодке фигура бакенщика в плаще с капюшоном. Плащ-то этот, видимо, и ввел в заблуждение разъяренного быка. Разогнавшись, он с такой силой боднул дядю Никашу под заднее место, что тот, проделав двойной сальто над водой, очутился метрах в трех от берега и лодки! А бык с победным ревом и удовлетворением, удалился в дубовую рощу догонять стадо.

Колька уже приближался к лодке, выходя из под яра, когда его взору предстала вся эта картина. От неожиданности он остановился, и ноги его увязли по колено в иле.

В это время, бакенщик кое-как стал выбираться на берег. От страшного удара, неожиданно обрушившегося на него, да плюс от выпитого ковша браги, разум у человека видимо помутился. Колька увидел, что в глазах у бакенщика сверкают такие же молнии, как и у быка. Он, взглянув вокруг, увидел одного только Кольку и, естественно, посчитал его объектом нападения.

Бакенщик взял в руки весло из лодки и стал приближаться к Кольке, который в это время не мог сдвинуться с места по причине того, что ноги его по колено увязли в иле.

Дядя Никаша взмахнул веслом, и, наверное, тяжело бы пришлось пареньку, если бы не его боксерская реакция. Колька резко присел, и весло со свистом пронеслось над его головой и, вырвавшись из рук бакенщика, улетело далеко в воду. Ноги бакенщика в это время, так же затагнуло в ил. И так они оба некоторое время молча, словно в каком-то оцепенении, стояли и смотрели друг не друга.

Затем Колька, словно очнувшись, все объяснил бакенщику, и они, выбравшись из ила на сухое место, пошли в домушку, где оба обсушились и согрелись, ругая за все быка.

Несмотря на это приключение, пироги в Троицу в Колькиной семье пекли, так как вдобавок к той рыбе, что поймал Колька, ему еще дал бакенщик. Вот так и протекало детство и юность паренька, пока он не закончил школу.

В то лето, когда он окончил восемь классов, с ним снова произошел незабываемый случай и почти на том же месте реки. И снова, каким-то чудным образом, он остался жив. Словно, какая-то невидимая Сила сохранила от смерти Кольку, и в этот раз.

В этом месте на реке был хороший песчаный пляж. В конце пляжа, ниже по течению, из реки в бочаг была протока, и в этом месте в течении реки, воду закручивало воронкой, попадая в которую могло закрутить даже лодку, не говоря уже о плывущем человеке. И хотя Колька научился хорошо плавать и нырять, но он, да и его товарищи, старались не купаться поблизости от этой воронки. Купались либо выше ее, на песчаном мелководье пляжа, либо ниже, ныряя с высокого яра, где и сделали нырляку.

В тот день, когда в школе сдали последний экзамен, было очень жарко. После школы Колька с товарищами пошли на реку искупаться. Народу на песчаном пляже было много и Колька с друзьями пошли ниже пляжа, на нырляку. Накупавшись вдоволь, они уже надели брюки и с рубашками в руках направились домой. И в это время раздались крики с пляжа о помощи. С крутого яра просматривалась вся река, и ребята увидели, что быстрое течение реки несет в сторону водоворота двоих девочек. Еще несколько метров и их может затянуть в эту воронку, и они утонут. Друзья Кольки, да и он сам, стояли в каком-то оцепенении, не зная как поступить. Все прекрасно знали опасность этого места; здесь уже не однажды тонули и взрослые люди. С пляжа в это время слышались крики о помощи, а догнать тонущих оттуда практически не было ни какой возможности. И тут, словно какая-то сила толкнула Кольку в спину. Он бросил рубашку и прямо с обрыва, в брюках, кинулся в речную стремину. Колька не думал, что сам может утонуть, да и времени не было об этом думать. Все его внимание и мысли были направлены на то, чтобы успеть доплыть до девочек, прежде чем их затянет в воронку. Но расстояние было слишком велико, и он увидел выше себя по течению, что головки обеих девочек скрыла вода в центре воронки. Колька понял, что сейчас девочек утянет воронкой на дно, а затем нижним течением может нести вниз по дну реки. Набрав в легкие воздух, он нырнул вглубь реки, и в это время, когда он достиг дна, он увидел силуэты девочек, которых нижним течением, как он и предполагал, вынесло прямо на него. Схватив девочек за руки, Колька резко оттолкнулся от дна ногами, чтобы вынырнуть на поверхность реки... И все-таки он хлебнул воды. И было бы, наверное, три утопленника, если бы в это время по реке не шла с низовья, из затона самоходная баржа. На эту баржу и втащили обессилевшего Кольку и девочек речники. На счастье, на барже оказался фельдшер из затона, который и оказал необходимую медицинскую помощь девочкам. Это были две сестренки, одну из которых затагнуло течением в глубину реки, а вторая бросилась помочь ей выплыть, но ее и саму утянуло в стремину реки.

Через неделю Кольку вызвали в райком комсомола, и объявили благодарность и еще сказали, что представят к награде за спасение утопающих.... Но он так и не получил этой награды. Видимо, затерялись где-то документы на представление. Да это, впрочем, и не так важно. Ведь самой лучшей наградой для Кольки было то, что когда он впоследствии приезжал в родные места и встречал этих сестреночек, которых спас от неминуемой смерти, то видел, с какой радостью они бросались к нему навстречу, называя его старшим братиком. Он ви-

дел, какой лучистой, неподдельной радостью светились их глаза, с какой искренней благодарностью! Они жили! И это было самой высшей наградой для Кольки.

Много случаев и событий неординарных и в какой-то степени даже мистических, бывало в детстве и юности Кольки. И стоило бы ему задуматься над ними, но ничего не задерживалось в то время в голове паренька. Ветер юности все серьезное, как бы, выметал из его горячей головы.

Однажды произошел удивительный случай, который тоже запомнился Кольке на всю жизнь.

У Колькиного отца был брат. Брат этот жил со своей семьей в доме бабушки, в километре от Колькиных родителей. В это время у него было два сына, которые приходились Кольке двоюродными братьями. Однажды после зарплаты в столовой произошла драка подгулявших мужиков, в которой учувствовал и Колькин дядя. В результате ему присудили три года лагерей. Отбывал свой срок наказания дядя Ваня, так звали дядю Кольки, в Оренбургской области. Освободившись из заключения, Дядя Ваня не поехал к своей семье, а остался жить в тех местах, сожительствуя с женщиной - казашкой. У женщины этой был сын, но они решили произвести на свет еще ребенка. Во время родов эта женщина умерла, оставив на руках дяди Вани новорожденную дочь и неродного сына.

Однажды Колька услышал, как отец читает письмо от дяди Вани. В письме брат отца как-то загадочно писал, что хотел бы снова вернуться к своей семье, но в данное время потерял руку и не уверен, примет ли его первая жена. Отец Кольки пошел в дом бабушки и поговорил там об этом письме. В итоге, жена дяди Вани дала согласие на дальнейшее совместное проживание с ним, так как в данное время она одна, не считая, бабушки, воспитывала двоих сыновей, а время было в стране не простое.

Отец Кольки и жена дяди Вани поехали в Оренбургскую область, чтобы привезти инвалида на родину в свой дом. Поселок, в который они приехали, был небольшой, и дядя Ваня, узнал о приезде брата и своей жены намного раньше, чем они успели его разыскать. Под рукой у него оказалась автомашина, которая шла в соседнее село, и он быстро собрал и отправил с соседкой свою дочь - малютку и неродного сына к сестре покойной сожительницы. На вопрос отца, почему брат обманул в письме, что потерял руку, дядя Ваня ответил: чтобы разжалобить родных. В общем, в этот же день они втроем поехали обратно.

С этого времени Колькины двоюродные братья снова обрели родного отца, и жизнь у них в семье вошла вроде бы в нормальное русло. Вот только дядю Ваню стал преследовать какой-то злой рок!

Работать он устроился трактористом в леспромхоз, и раза два его едва не задавил его же трактор. Один раз в лесу, в метре от него рухнула лесина и чуть не убила дядю Ваню. Только за сезон сплава он три раза тонул на реке!

Бабушка Кольки, - мать дяди Вани, - несколько раз пыталась поговорить с дядей Ваней об его жизни в Оренбургской области, но он всякий раз уклонялся от разговора, находя какой-либо предлог.

Однажды, летом Колька шел с реки домой. По пути он решил забежать к бабке выпить стакан молока. Из окна бабушкиного дома он увидел тучу, которая надвигалась на поселок. Колька решил бежать домой, чтобы до грозы успеть быть дома. Но на половине пути, туча накрыла его, и пошел сильный град, сопровождаемый шквалистым ветром. Колька успел забежать на крыльцо конторы и увидел, что стоящие там люди показывали руками в сторону бабушкиного дома и что-то кричали. Колька повернулся в ту сторону и обомлел. Крыши на бабушкином доме не было. Она зависла в воздухе выше дома и раскачивалась, как пушинка в воздухе. Это было удивительное зрелище. Затем крыша переломилась пополам и одна ее половина рухнула в огород к соседям бабушки, а другая половина улетела на берег реки и рухнула там.

После этого ураган как-то мгновенно стих. Колька увидел, что из дома бабушки выскочили все, кто там был и стали смотреть на дом, не понимая еще, видимо, что там случилось.

После этого случая бабушка долго и серьезно разговаривала с дядей Ваней, и он признался ей, что в Оренбургской области у него осталась дочь - его родная маленькая дочь. Бабушка заплакала, затем долго молилась, а потом, после долгого разговора с дядей Ваней и с его женой, они поехали в Оренбургскую область и привезли оттуда дочь дяди Вани и его неродного сына, для которых жена дяди Вани стала родной матерью, а у Кольки добавилось еще двоюродные брат - казах и сестра. Но, самое главное то, что несчастья и злой рок перестал преследовать дядю Ваню! И снова бы надо было задуматься Кольке, что все в жизни не случайно..., но он это понял спустя многие годы.

Заканчивая восьмой класс, Колька начинал задумываться о своей дальнейшей жизни. У него не было желания идти в девятый класс. Занятия спортом и в особенности боксом сделали свое не только хорошее, но и коварное дело, он стал слишком самоуверен и поэтому захотел самостоятельной жизни. Решил он покинуть родительский дом, чтобы продолжить свое образование либо в техникуме, либо в училище. Мама уговаривала учиться дальше в школе, а затем поступать в духовную семинарию, в этом ее особенно поддерживала бабушка, а отец говорил, что сможет через товарища по партийной школе, устроить его в суворовское училище. Но Колька желал самостоятельности, и выбор его пал на то, чтобы стать строителем.

Пролетело незаметно время, и он получил диплом мастера - строителя сельскохозяйственных и гражданских зданий и сооружений. К этому времени он уже познал, что такое любовь. Он уже испытывал юношеское влечение к противоположному полу. И если вначале он думал, что связь эта временна, то глубоко ошибался. Со временем все зашло так далеко, что пришлось жениться, так как девушка забеременела, и он пожалел ее, благо к этому времени его девушка тоже закончила техникум и устроилась работать в райисполкоме. Они поженились!

Казалось, все у Кольки в жизни было прекрасно. Успехи в спорте, в личной жизни кружили голову. Он работал прорабом в сельском строительстве, и эта работа ему очень нравилась. У жены так же была работа по душе. Вот только огорчило то обстоятельство, что первый ребенок после родов умер. Аналогичными оказались и вторые роды.

Разговаривая с Колькой о жизни, бабушка всегда сводила разговор к тому, что на самый запутанный вопрос в жизни, всегда можно получить ответ от Того, Кто сотворил эту жизнь и руководит всеми жизненными процессами, то есть у Бога; надо только обратиться к нему с верой! Но Колька, хотя и любил бабушку, хотя и чувствовал что-то необычное, а иногда и совсем мистическое в своей судьбе, навсегда уходил от этого откровенного разговора.

Вот и в этот раз. Сильно огорчившись из-за того, что ребенок умер, Колька зашел к бабушке поплакаться. Но снова бабушка сказала ему, что на все воля Бога, а значит и нужно Кольке обратиться к Нему и спросить у Него совета. Но и в этот раз Колька, разгорячившись, оборвал разговор и ушел от бабушки неудовлетворенный разговором и советом.

Но совет они с женой все-таки получили. Совет этот дали врачи. Жене в больнице посоветовали сменить климат, и в этом случае возможно беременность у нее будет удачная.

Стране требовались строители, и Колька, с его пылкой и романтической натурой, настроился ехать покорять просторы Сибири. Перед отъездом они с бабушкой сидели на крыльце ее дома, где бабушка сказала ему последние слова, которые он слышал от нее в этой земной жизни: «Ну что, Колька, уезжаешь, а я, вот, помру скоро. К Богу пойду, ждет Он меня. Да и тебя Он, Коленка, ждет. Только тебя Он ждет еще в этой жизни. Ты бы внучок обратился к Нему, к Господу нашему Иисусу Христу, может быть и ехать - то не надо бы было? А?! Ведь впереди то у тебя... и замолчала почему-то бабушка на полуслове. А Колька вновь отмах-

нулся: «Чепуха все это». И уехал! А бабушки через месяц не стало; умерла она вскоре после отъезда внука.

А Колька, оставляя позади юность и родные с детства места, несся на скором поезде Москва - Лена по просторам Сибири навстречу заоблачным далям и своей дальнейшей судьбе.... И думал, что ждет его впереди...?

...Но не дано человеку самому предвидеть, что впереди без вмешательства Провидения!

ЧАСТЬ 2

Москва встретила группу чехословацких специалистов, в составе которой находился и Душан Галис, теплым весенним днем и ручьями подтаявшего снега. Весна уже и здесь брала свое.

Специалистов из Чехословакии разместили в одной из московских гостиниц, туда же приехал и Чешский консул для собеседования и инструктажа вновь прибывших людей. Затем после оформления в министерстве лесной и целлюлозно-бумажной промышленности необходимых деловых бумаг и документов, группа, в составе которой были инженеры новейшего технологического оборудования ЦБП, инженеры КИПА и другие специалисты из Чехословакии, отправилась в дальнейший путь, преодолевая необъятные просторы России и поражаясь громадностью расстояний!

Самолет приземлился в городе Братске и после регистрации билетов группа вновь отправилась в путь- дальше на север, в город Усть-Илимск.

Душана ошеломляли просторы страны, где когда-то воевал его дед, и он в растерянности думал: «Как же он в такой огромной стране сможет отыскать тот пяточок территории, который значится на шифровке, которую дал ему дед..., да и найдет ли?»

Строительство и монтаж Усть-Илимского целлюлозного комбината было на пологом, правом берегу Ангары. Там же велось строительство жилого массива со всей необходимой инфраструктурой.

В строительстве комбината и города на правом берегу этой чудесной Сибирской реки, единственной реки, вытекающей из озера Байкал, принимали участие специалисты из Чехословакии, Болгарии, Польши, Германии, Швеции и из многих других стран СЭВ.

Комбинат строился для производства кордной целлюлозы - это картон и бумага отличного качества, идущие в основном на экспорт, а поэтому в проект этого суперсовременного гиганта входило высокоточное технологическое оборудование, в основном иностранное. Вот для сборки, наладки и пуска в эксплуатацию и были направлены сюда иностранные специалисты.

Так как новый город на правом берегу еще только строился, то иностранцы в основном жили в старом городе, на высоком левом берегу. В старом Усть-Илимске для этого были построены современные общежития. В одном из таких общежитий поселили и чехословацких специалистов, среди которых был и Душан Галис.

По приезду в Усть-Илимск, Душан, как говорят, с головой окунулся в работу, так как в СССР существовал план, и сроки сдачи строительства поджимали. Иногда, выбрав часок свободного времени, он писал маме и деду теплые душевные письма. В письмах он не забывал намекнуть деду, что пока нет времени, но он все помнит. И еще, если выдавалась свободная «минутка», Душан постигал географию этих мест. Постигал он эту географию из газет, из разговоров с советскими специалистами, особенно с сибиряками. Приобрел он и карту Иркутской области, а так же других соседских регионов и областей. В общем, времени напрасно он не терял, но и проявлял осторожность. С излишними навязчивыми вопросами, вызывающими подозрение, он ни к кому не лез.

Душан намеревался и надеялся познакомиться с таким человеком, который бы разбирался в геодезии, топографии, маркшейдерстве и особенно в географии и истории Вос-

точной Сибири и Иркутской области. Короче говоря, ему был необходим для достижения его тайных планов, инженер - строитель со стажем строительства на различных крупных стройках Сибири.

Сроки пуска комбината поджимали, а поэтому параллельно монтажу и строительству стен и корпусов цехов, производилась сборка и наладка технологического оборудования. Так и на объекте, где работал Душан, который отвечал за работу контрольно-измерительных приборов на пульте цеха ректификации скипидара, работали рядом строители из города Братска, которые заканчивали монтаж перекрытия и грузового лифта.

Бригада из Братска была большая, человек тридцать, а руководил этой бригадой молодой прораб по имени Николай. Совместная работа и необходимые производственные отношения сближали людей из различных стран и разного социального происхождения и статуса в единый рабочий коллектив. Вот и Душан, в процессе общения по производственным вопросам, сам того не замечая, очень близко сошелся с прорабом бригады из Братска, Николаем. Сближало больше их еще и то, что оба они увлекались спортом, а в особенности борьбой. На выходные Николай ездил домой в Братск, где у него была семья, но последнее время на стройке был аврал, и иногда работа захватывала и половину выходных. Однажды, отработав пол дня в воскресенье, Душан спросил Николая, что он собирается делать после обеда. Николай ответил, что хочет поехать искупаться на озеро, которое находится недалеко от Нового города, и если Душан желает, то может поехать с ним. В бригаде Николая была машина УАЗ - фургон. Вот на этой машине они и поехали на озеро.

После того, как они вдоволь накупались, они легли на берегу озера на теплый песок и в дружеской теплой беседе стали рассказывать друг другу о своей жизни. Душану было легко рассказывать о своей жизни, так как она была однообразна, и не присутствовало в ней, каких-то, неординарных событий, а о своей тайне, которую ему доверил дедушка, он, пока не говорил ни с кем. У Николая, же, напротив, жизнь была насыщена множеством событий и удивительных фактов. За его короткую, до этого времени, жизнь, он успел, и жениться, и дети есть, и в спорте добился неплохих результатов. А главное, он уже побывал на многих больших стройках Сибири и Дальнего Востока. объездил, бывая на соревнованиях, всю Иркутскую область и Забайкалье. Особенно красочно Николай рассказывал про озеро Байкал и, как бы мимоходом заметил, что воду, такую чистую, как в Байкале он встречал ранее только на озере Светлояр. Но об этом озере он обещал рассказать Душану в следующий раз.

Из разговоров Душан понял, что Николай хороший, грамотный специалист-строитель. Он так же уяснил, что его собеседник неплохо знает географию и историю Восточной Сибири. Все эти выводы и натолкнули Душана на мысль, что Николай, и есть тот человек, который ему нужен для выполнения просьбы деда, порученной ему перед отъездом в СССР.

После того, как они позагорали, Душан пригласил Николая к себе в гости в общежитие. Николай отнекивался, но Душан был так настойчив, что они все-таки поехали к нему.

На проходной, в общежитии, дежурная спросила фамилию Николая, и Душан заметил, что она записала что-то на листке бумаги. Николай вдруг как-то изменился, стал скованнее, менее разговорчив...

После того, как они попили кофе, зазвонил телефон, Душан поднял трубку, чтобы поговорить, но послышались гудки, и Душан положил трубку на место. Затем Душан решил показать Николаю план, который ему дал дед, после чего спросил: «Ты, Николай, не мог бы помочь мне разобраться в этом чертеже, а то я по образованию программист и в строительстве и геодезии ничего не понимаю. Может, ты разберешься?» Николай внимательно рассмотрел чертеж и надписи и сказал, что по рельефу местности и железной дороге он догадывается, что это за местность. Но названия на плане незнакомые. Видимо, если брать в расчет, что обозначения в верстах и милях - названия этих мест и населенных пунктов в данное время иное. Но может быть это сделано и специально, чтобы не было возможно-

сти разобраться дилетанту. Во всяком случае, надо покопаться в библиотеке, быть может, здесь обозначены старые названия. Но лучше всего, если бы поиск того, что здесь нарисовано, начать с железной дороги. Если желаешь, Душан, и если это тебе так важно, то после пуска в эксплуатацию комбината я обещаю вместе с тобой съездить в эти места. ... Но скажи мне, что это за тряпочка и где ты ее взял? Душан не мог в данное время все рассказывать Николаю и сказал, что в дальнейшем, все ему расскажет...

Часть 3

Продолжение воспоминаний узника

Лежа под одеялом на шконке и отдавшись воспоминаниям прошлых лет, узник камеры № 99 не заметно для себя, задремал. Но не прошло и получаса как, словно какая-то сила толкнула его. Колька встал и взгляд его упал на самодельный календарик! О, Господи, да сегодня же мой день рождения - 42 стукнуло. Он подошел к двери и крикнул на коридор, чтобы услышали остальные арестанты: «Эй, братва, кто не спит, давайте чифир ставить, у меня сегодня днюха!» Отозвались несколько человек, пошли поздравления и пожелания «золотой» свободы и всего прочего..., а Колька подумал: сколько же ему сегодня Господь подарков послал!

Николай выпил крепкого чаю, снова лег на шконку, накрылся одеялом, и воспоминания опять вернули его в прошлое...

Центральная часть города Братска, жить в который приехал Колька с женой, была небольшой. Город был разбросан на несколько районов по берегу водохранилища. Центральная часть - это жилой массив в несколько компактных микрорайонов с хорошей инфраструктурой, который располагался на сопке и выглядел очень эффективно, словно что-то сказочное, среди просторов нескончаемого таежного моря. Портило сказочный пейзаж только то, что рядом с городом находился целлюлозно-картонный комбинат (ЦКК), дымы которого зачастую ветер направлял на город и оттого порой в городе стояли неприятные запахи. Был здесь еще один крупный завод - алюминиевый, но он находился в пятнадцати километрах от города и дымы его не так часто достигали город.

И еще Колька с радостью узнал, что в этом молодом городе есть прекрасная спортивная база. Город ему понравился, с однокомнатной квартирой и работой, помогли родственники, которые жили в этом городе. И жизнь Колькина, при его темпераменте и целеустремленности, стала набирать стремительные обороты!

Работать он устроился в строительно-монтажное управление. Проработав несколько месяцев слесарем-монтажником, он стал бригадиром большой комплексной бригады по монтажу и сборке сложного технологического оборудования и больших промышленных объектов целлюлозно-бумажного производства. Конечно, это не сельское строительство. Ответственность большая. Выручало то, что Николай умел работать не только как грамотный специалист, зная отлично технологию монтажа и строительства, но и то, что ранее, когда он работал в сельском строительстве, под его руководством работали так называемые «дикие» бригады из Бреста, из Армении и Закарпатья. На строительстве МТФ работали белорусы, на асфальтировании дорог в заречье - армяне, в общем, он привык работать с людьми разных национальностей и характеров. Тем более, что он и сам был общительным, жизнерадостным человеком.

Все эти качества и опыт, невзирая на его молодость, помогли ему в суровой по климату Сибири и в работе и в остальной жизни.

Очень быстро и даже стремительно карьера его достигла немалых высот. После двух командировок на ответственные большие стройки Сибири и Дальнего Востока его назначили прорабом слесарей-наладчиков и монтажников. На его участке числилось несколько бригад, в каждой из которых бывало до двадцати человек. Несмотря на загруженность в

работе, он не прекращал занятий спортом, это, можно сказать, было его второй жизнью, хобби.

По вечерам Николай посещал бассейн, но основное время в спорте он отдавал борьбе. Оставив бокс, он занялся более серьезным видом: рукопашным боем, сочетая это с карате-до.

Естественно, что в управлении его выбрали в местком по спортивно-массовой работе. В те времена общественная работа поощрялась, и Николаю дважды давали путевки на озеро Байкал, где он отдыхал и любовался красотами Байкальского ландшафта с группой спортсменов. Уникальность и красота Байкала поразили Николая.

В семейной жизни тоже все было хорошо. У них с женой родилась дочь и они уже думали заводить второго ребенка, но решили подождать до получения новой, большей квартиры, которую вскоре Николай и получил.

Жизнь складывалась удачно и от этих удач, которые, как думал Николай, он стяжает сам, без какой-либо помощи, в характере его появилась тщеславие и гордыня. Но все это он осознал впоследствии, так же, как в дальнейшем он осознал, что в каждом следствии есть причина. А пока он самоуверенно и, как думал, твердо шагал по этой жизни.

Однажды его вызвали к начальнику управления и сказали, что ему необходимо ехать в командировку в город Усть-Илимск во главе нескольких бригад монтажников. Сроки пуска Усть-Илимского лесопромышленного комплекса поджимают. Москва требует, чтобы целлюлозно-бумажный комбинат в этом году произвел первую варку целлюлозы и был сдан в эксплуатацию, а посему надо форсировать все силы и резервы и не подвести управление. Николаю не впервой были подобные авралы, и через пару дней он был уже в Усть-Илимске на крупнейшем строительстве Сибири, участие в котором принимали многие страны СЭВ.

Приехали в Усть-Илимск на автобусах после обеда. Пока Николай оформил всех своих рабочих в общежитие, отметил командировочные удостоверения и принял участок, где они должны были производить работы, наступил вечер. В этом таежном городке у Кольки жил дружок его детства и юности Игорь, который уехал сюда после того, как отслужил в армии. У Игоря было образование геодезиста и работал он в Ангарской экспедиции. Встречались они последние годы редко, но дружба их от этого не становилась слабее, а напротив крепла, и это не удивительно, ведь они с самого раннего детства провели свою жизнь рядом. Жили они на одной улице, ходили в одну школу и в один класс. Да и сейчас, в общем-то, не так уж далеко друг от друга жили; всего триста с гаком километров, а это по сибирским меркам - ерунда. Колька не стал звонить Игорю, а, захватив в магазине пару бутылочек «Токайского» решил нагрянуть к другу неожиданно. Игорь и его жена детей еще не имели и жили вдвоем. Их очень обрадовал неожиданный приезд Николая и жена Игоря тут же кинулась накрывать на стол. Они выпили по первой, и потекла длительная дружеская беседа с воспоминаниями детства и юности. Наговорившись о детстве и родных с детства местах Поволжья, Игорь вдруг стал серьезным и сменил тему разговора. «Николай, хочу тебя предупредить, чтобы ты был посерьезнее. Знаю твою слабость побалагурить и потрепаться, а также твою излишнюю доверчивость и общительность, прошу тебя - будь здесь, в этом городе осторожен».

- Игорь, тебя что, токайским накрыло, о чем ты говоришь, кого и чего мне бояться здесь?

-Коля, выслушай меня и пойми правильно, я хочу тебе только добра. В этом городе идет крупное строительство, здесь есть ГЭС, здесь строится мост через Ангару, ну и еще аргумент - здесь очень много иностранцев из различных стран, входящих в СЭВ. Сечешь?»

- Не...! - только и мог сказать Колька.

- Ну, короче, все эти критерии дают основание тому, чтобы здесь также присутствовали специальные службы, то есть агенты и работники КГБ.

- Ну, а я-то какой интерес могу у них вызвать? Секретов государственных не знаю, я просто строитель. Да я даже в армии-то не служил.

- «Коля, ты строил некоторые объекты, которые, в случае войны, перепрофилируются на военное производство. – Это первое! Второе - это то, что твои бригады на БАМе уложили немало кубометров бетона в тоннели и другие объекты. И иностранных «товарищей» далеко не из-за праздного любопытства интересуется, почему проезжая эти тоннели на поезде, их индивидуальные индикаторы реактивности, так называемые счетчики Гейдера, зашкаливают! Они не прочь бы узнать, что скрывается под этой толщей бетона, через которую даже со спутника невозможно определить, что над ней!

- Ну, ты даешь, Игорек! Не стал ли ты, часом, внештатным агентом ЧК! А?

- Не нервничай, Николай, а выслушай до конца.

- Ну, давай, выкладывай, братан, я слушаю тебя, -

- Николай действительно стал серьезен.

- Коля, дело в том, что я бывал на том объекте, куда назначили тебя с твоими людьми. Мы там определяли степень подвижки грунта. В данное время там параллельно возведению корпусов и цехов, идет установка, монтаж и наладка импортного, высококачественного контрольно-измерительного оборудования. И производят эти работы, а в основном курируют, иностранные специалисты, которых там тьма! Понял? Естественно, фискалов и агентов КГБ там будет тоже достаточно. И любая твоя нелепая шутка, которые ты так любишь, любое твое неосторожное слово, может стать для тебя роковым; это я говорю очень серьезно. Я работаю здесь давно, и знал некоторых хороших людей, карьера которых здесь закончилась, а у иных плачевно. Тебе сейчас двадцать пять, у тебя впереди еще большой путь, и я не хотел бы, чтобы ты его своей несдержанностью, либо глупостью загубил. В общем, веди себя спокойно, не болтай лишнего, особенно с иностранцами на людях. Да, и еще хочу добавить: даже по телефону лишнего не говори на этой стройке.»

- Ну, Игорек, нагнал ты мне страху, работать даже расхотелось. Я, конечно, понимаю, что живу в СССР, но неужто все это так серьезно, как ты говоришь?

- Коля, может, конечно, я и преувеличил немного, но это для твоего блага. Ты же мне друган? Ну, а теперь, наверное, и спать пора, завтра на работу.

На этом их беседа и закончилась.

На следующий день все бригады, которыми руководил молодой прораб Николай Николаевич из города Братска, дружно, с энтузиазмом, приступили к строительству и монтажу зданий и оборудования на вверенном им участке крупнейшего строительства этого региона Сибири.

Игорь был прав. На этой стройке работали рядом русские и поляки, болгары и шведы, немцы и негры; - весь интернационал, как шутили.

Николай и ранее, когда еще работал прорабом в сельском строительстве в Поволжье, имел общение с людьми иных национальностей и научился общению с людьми иного менталитета, чем русских. У него были добрые товарищи среди грузин, армян, гуцулов. Для него не имела различия национальность, был бы человек хороший. Вот поэтому и на этом участке у него быстро появились хорошие добрые отношения среди иностранных специалистов. Тем более в процессе работы это было просто необходимое общение.

Однажды в прорабке, уточняя некоторые детали установки оборудования совместно с одним чехословацким инженером по имени Душан Галис, помимо работы они разговорились и о житейских делах. Были в прорабке они одни, скованность отступила, да они даже чем-то симпатизировали друг другу. В общем, после короткой дружеской беседы они еще более тесно сошлись в товарищеских отношениях. Однажды в выходные Николай и его люди были вынуждены работать по причине аврала из-за срыва графика сроков пуска комбината. В воскресенье, после обеда, они все же закончили свою срочную рабо-

ту, и Николай решил съездить поплавать на озеро, которое было недалеко от нового города и вода в нем, в отличие от воды в Ангаре, была очень теплая. В это время к нему в прорабку зашел его знакомый чех Душан.

Николай не раздумывая, пригласил его с собой, и тот с радостью согласился. Они не стали никого приглашать и лишь вдвоем отправились на УАЗе на озеро.

Наплававшись, они расположились на берегу позагорать. Рядом никого не было, только на противоположном берегу были отдыхающие, и обстановка располагала к непринужденной откровенной беседе. Вначале поговорили о спорте, о борьбе, которой оба занимались с юности, а затем переключились и на житейскую тему. Душан вкратце рассказал о своей жизни в Чехословакии - школа, институт, работа. В общем, ничего интересного. Ну, а вот Кольке было о чем рассказать. За его короткую еще жизнь, он много повидал, много поездил. Бывал на многих больших и малых стройках. Бывал на озере Байкал, которое поражает своей уникальностью весь мир. Он рассказал Душану о «шаман камне», поверхность которого торчит из воды Байкала в месте, где Ангара, единственная река, вытекает из озера. Рассказал и легенду, связанную с этим камнем. Рассказал он и о лимнологическом институте в Листвянке, где собраны все виды пойманной в Байкале живности. В общем, он так увлекся и так красочно все рассказал, что они не заметили, как наступил вечер. Комары уже начали кусать не на шутку, и они собирались домой. Душан пригласил Николая к себе в общежитие на вечерний кофе, и Колька принял это приглашение.

Оставив машину возле общежития, они пошли через проходную, где сидела дежурная, к Душану в комнату. Дежурная на вахте остановила их и спросила фамилию Николая, зачем-то записывая эти данные на листе бумаги. Николай, вдруг, вспомнил разговор с Игорем и внутренне напрягся. Но потом поразмыслил, что Чехословакия страна социалистическая, дружественная, - это не шведы или еще, какие-либо, капиталисты; и немного успокоился.

В комнате Душана они попили кофе, который прекрасно варил Душан, а затем Душан попросил Николая помочь разобраться в одном чертеже. Он пояснил, что сам не смыслит ничего ни в строительстве, ни в геодезии, а ему бы очень хотелось знать, где находится место, которое обозначено на этом чертеже с обозначениями. В это время зазвонил телефон и Душан сказал: «Ну, вот, только вчера установили новенький телефон, а он уже начинает надоедать». Он поднял трубку, но там послышались только гудки.

Тем временем Николай сел за стол, ближе к свету и стал рассматривать чертеж. Он приблизительно определил участок Восточно-Сибирской железной дороги, но вот дальше натолкнулся на трудности. Масштаб, да и все прочие измерения были в верстах, милях и других устаревших цифрах. Названия населенных пунктов так же не соответствовали тем, которые есть сейчас в этих местах; конечно, если это, действительно то место, о котором подумал Николай. Может быть это дореволюционные названия; тем более все в чертеже указывает на то, что это очень старый чертеж. Даже железная дорога здесь обозначена как КВЖД, так она называлась очень давно. В общем, чтобы разобраться в этом чертеже, нужно начинать с определенного места на железной дороге, предварительно покопавшись в библиотеке, а еще лучше в архиве. Все это резюме и изложил Николай Душану. И еще он добавил, что если Душану так необходимо знать, что это за место, то после пуска в эксплуатацию комбината, они могли бы побывать в этих местах...

«Но скажи мне, что это за тряпочка и где ты ее взял?»

В это время снова зазвонил телефон и Николай, который сидел рядом, машинально поднял трубку новенького телефона, но там опять прозвучали гудки. Колька почувствовал какую-то непонятную тревогу и снова, вдруг, вспомнил разговор с Игорем. Он внимательно посмотрел, на телефон и уловил какое-то несоответствие с обычным, но, какое? Он и сам не мог понять этого! Затем он поблагодарил Душана за кофе и гостеприимство и заторопился в свое общежитие. На проходной общежития он заметил, что после того, как он прошел, дежурная подняла трубку телефона.... У Николая похолодело в груди...

Утром, приехав на работу, он получил телефонограмму с указанием срочно передать дела и возвращаться в управление, в Братск. В тот же день он уехал. Перед отъездом он узнал, что в общежитии, где жил Душан, был пожар, в результате которого погиб иностранный специалист ... Больше Николай никогда уже не встретил на своем жизненном пути Душана Галиса.

Николай, все-таки, нашел время, чтобы позвонить Игорю и сказать, что он уезжает домой в Братск, чем очень удивил друга детства. Но разговаривать времени не было, и он только сказал Игорю, что если тот будет в Братске, то и наговорятся при встрече.

В Братске жизнь у Кольки, снова вошла в свое русло. У него появилась прекрасная двухкомнатная квартира в самом центре города. Жена родила ему дочь. Он так же не переставал заниматься спортом и даже достигал неплохих результатов в плавании на сто метров, в борьбе, да и общественную работу в управлении не оставлял. Но вот заметил он одну особенность по отношению к нему со стороны администрации. Ему все реже и реже стали поручать руководство в возведении особо ответственных объектов, да и в командировки на престижные стройки его тоже не посылали. Менее опытные прорабы ездили в Монголию, в Египет, в Нигерию и в другие страны на два - три года, чтобы там подзаработать, а у Николая на командировки, как-будто, наложили невидимое табу. Вдобавок, с женой что-то стали портиться отношения. От этих непонятных проявлений Николай становился раздражительным. Это было чревато срывом, и срыв этот произошел.

Ранее в управлении поговаривали, что начальник участка, где Николай был прорабом, скоро уходит на пенсию. И никому иному, а только Николаю быть начальником после того. Но не так давно вернулся из командировки из Монголии, где строили ТЭЦ, один инженер, вот его-то и назначили, неожиданно для всех, начальником участка. Ну, а через неделю и произошел случай, свидетелей которому было мало, но разговоров было много.

Чтобы сэкономить время и деньги, некоторые руководители зачастую шли на нарушение СНиПа - строительных норм и правил. В итоге, эти горе -руководители получали большие премии и награды, но вот последствия были иногда плачевны. Но после прошествия времени, как правило, виновного не находилось, а страдали окружающие люди, так как сам виновник аварии либо работал с повышением в другом месте, либо в документации не было его подписи.

Вот и на участке, где работал Николай, произошло подобное. Минувя Николая, новый начальник устным приказом заставил мастеров, которыми, вообще-то, руководил Николай, поставить фильтра и ресиверы с трубопроводами на участке хлора не из нержавеющей стали, а из необычной «черняжки». Последствия могли быть страшными. Лет через пять-семь «черняжку» бы съело кислотами, щелочами и хлором. И если бы случился выброс хлора, то гибель людей была бы неминуема... Колька это знал на подобных случаях в мире, и потому, узнав об этом распоряжении, запретил продолжать работы, а сам пошел в кабинет этого горе – руководителя. Там-то все и произошло. В результате Николай был вынужден уйти из управления и почти полгода сидел на шее жены.

Да, сдали нервы у Кольки, не снес он оскорбительных слов начальника и его топорного и даже халатно – преступного стиля работы. Не снес, и на оскорбление, зарядил начальнику в челюсть...

Видимо, после этих жизненных ступенек, что ведут «наверх», для Кольки ступеньки кончились. Да, пожалуй, и нижняя подломилась, и он полетел вниз. Валяясь дома на диване, он перебирал в памяти свою жизнь, свои поступки, промахи и удачи и искал ответ, где же он что-то упустил, недопонял? Где он просчитался в этой жизни? Может это просто самонадеянность, что для человека ничего невозможного нет? Но гнал от себя он эти обличающие мысли; и снова сказал себе: «Нет, я еще силен, я докажу это!»

«Эх, Колька, а ведь Бог то рядом!» - вдруг показалось Кольке, что он услышал голос бабушки или это почудилось!

«Ну вот, так свихнуться можно от этих мыслей, надо брать себя в руки и идти искать работу, стыдно на шее у жены сидеть».

Однажды, открыв дверь на звонок, Колька увидел Игоря, который приехал в Братск на своей машине, чтобы подремонтировать ее на СТО (станции технического обслуживания). В Усть-Илимске автосервиса еще не было и пришлось ехать сюда. К этому времени Колька устроился на работу, хотя и не вполне по душе, но с нормальной зарплатой. Хандра у Кольки еще не прошла совсем, и он, чтобы не показаться негостеприимным, пригласил Игоря посидеть в ресторане. Благо старшая дочь была в этот вечер в спорт зале, в танцевальной группе, а жена с младшей дочерью ушла к кому-то в гости.

В ресторане у Кольки были знакомые официанты, и им быстро дали столик. За вечер друзья детства успели поговорить о многом. После рассказа Кольки о его дальнейшей жизни после отъезда из Усть-Илимска и о его перипетиях в семье, на работе и в жизни, Игорь задумался на минутку, а потом произнес: «Странно, конечно, друган, что все это с тобой произошло, но в каждом следствии есть причина». Если найдешь эту причину, то иногда можно что-то исправить. Но, вот, сдается мне, что причиной твоих, казалось бы, случайных неудач, является то, что однажды там, в Усть-Илимске, ты Колюха не послушался моего совета. Ты, Коля, что-то где-то «пронес», за это над тобой и довлеет сейчас та невидимая сила, о которой вслух я не хочу говорить. Но, я думаю, ты понял о ком я!» У Кольки, как когда-то в иностранном общежитии, похолодело в груди. А Игорь продолжал: «Коля, я не знаю, приемлем ли мой совет для тебя, но как друг, хочу его дать тебе. Если хочешь сохранить мир в семье, а я заметил, что мир этот рушится, начинай, братан, сначала. Ты прекрасный строитель, специалист своего дела и это не лажа, я читал о тебе хорошие строки в газетах. А посему, уговаривай жену, забирай семью и кати на Родину, в Поволжье. В сельском строительстве тебе цены нет, с твоим Сибирским опытом. Тем более, сельское хозяйство приходит в упадок. И еще важен такой критерий в твоём деле: в сельской местности ты будешь не на виду, и кое-кого это, может быть, успокоит. Я тебе дал совет, а ты решай! Кстати, а чего ты до сего времени машину не купил? Ты же не плохо зарабатывал. Квартирка, я посмотрел, у тебя - игрушка, обстановка тоже приличная?»

«Игорь, я, друган, мечтаю о машине, но не хочу брать отечественную, хочется иностранку достать. Кажется, сейчас «подули ветра» демократии, может вскоре что-то и придумаю».

«Ну, это дело твое, думай. Но про совет мой, не забудь».

К полуночи, друзья, изрядно нагрузивши желудки шашлыком и спиртным, добрались до Колькиной квартиры.

Вскоре Игорь уехал к себе, в Усть-Илимск, а жизнь Кольки, все стремительнее начала крутить обратные обороты. Совета Игоря он не послушал. В семье все чаще стали разлады с женой, и Колька иногда, особенно после непонятных ему нападок жены, шел в соседний ресторан и коротал там свой вечер. Колька ни с кем не говорил о своих неурядицах, не в его характере это было, он переносил все в себе, в своем сердце и только редкие вздохи выдавали иногда его внутреннее состояние. Вдобавок, ему намекнули, что у его жены, будто бы кто-то есть ...; но он просто не поверил ..., а может, не захотел верить.

А в стране уже набирало силу «новое время»!

Однажды в ресторане к Кольке подсел спортивного вида молодой человек, примерно его возраста. Где-то раньше его Колька встречал?! Ну, конечно, вспомнил, это КМСник по вольной борьбе из одного города Иркутской области. Колька когда-то бился с ним в поединке и этот боец не плохо показал себя в «тот раз» Колька был рад встрече и собеседнику, и они разговорились и выпили за встречу. Сергей, так звали этого парня, засыпал Кольку вопросами, что тот делает, где работает, как живет и т.п. Затем он предложил Кольке работу по вечерам в спорт зале тренером по рукопашному бою. Он, назвал такую ставку, что у Кольки закружилась голова.

И снова Колька потерял чувство осторожности.... В эту работу входило то, что по вечерам три раза в неделю, Колька должен был тренировать приемы рукопашного боя группу молодых парней от 18 до 22-24 лет. Тренинг должен быть жестким, без скидок и поблажек. Но, главное, и без излишних, пока, вопросов.

- Ну, Коля, договорились? - спросил в конце вечера Сергей.

- Да, договорились - ответил Колька. А в голове он уже думал, что скоро купит ауди.

После того, как они обговорили детали этого дела, Колька расплатился и пошел домой. Но дома его ждал «сюрприз». Младшая дочь мирно спала, старшая смотрела телевизор, а вот жены не было. Пришла она только наутро, и объяснила, что задержалась у подруги по работе, а ночью идти по городу побоялась, поэтому заночевала у нее.

У Кольки случилась неприятность; его вдруг затошнило и вырвало, и вырвало его какими-то кровавыми сгустками. Впрочем, он не любил обращаться к врачам и вскоре забыл про этот случай со спазмами в желудке, как, впрочем, и о загуле жены.

Новые политические и экономические веяния в стране, новая работа, где работал Колька днем и вторая, где он работал по вечерам, внесли свои коррективы в жизнь Николая и его семьи. Несмотря на недостаток в семейном бюджете, в личной жизни трещина раскола все ширилась и ширилась. Иной раз Николаю не хотелось даже после спорт зала вечером идти домой, удерживали его дети. Он очень любил своих дочерей, особенно старшую, рождения которой он ждал годы. Раньше она зачастую бегала с ним в спорт зал на его тренировки. Приходила «болеть» за него на соревнованиях, и ее звонкий голос из среды болельщиков много раз помогал ему выиграть.

Теперь же, приходя домой, Николай смотрел на ее грустные, задумчивые глаза, из которых вот-вот брызнут слезы, и у него самого сжималось сердце от страдания дочери, но сделать что-либо он практически не мог...

... Как ему в это время не хватало советов бабушки...

Впрочем, Колька понимал жену. Ведь ему и в шутку и в серьез не однажды говорили, что его командировки и частые отлучки из дома чреваты последствиями. Но он любил жену и верил ей.... Но ..., живое - живым! ... Также он начал догадываться для какой цели он тренирует и усиленно натаскивает этих пацанов. Рэкет уже заявил о себе открыто, жизнь стала для одних крутая и веселая, для других бедная и суровая.

Колька тоже не захотел отставать от ритма жизни и, видя вседозволенность и безнаказанность за некоторые, казалось, противоправные действия, изменил своим жизненным правилам и морали. Колька пошел против своей совести. Он изменил сам себе, а за это всегда следует расплата! Рано или поздно, но следует!

В течение года Колька подобрал себе «бригаду» пацанов, которых он тренировал в том же спорт зале; и может быть, не пошел бы по этому пути, но думал, что, имея большие деньги, сохранит мир в семье. Как наивен и самоуверен он был в то время. Всё его предприятие лопнуло как мыльный пузырь.

Однажды он взял неделю отпуска на своей основной работе. Собрав свою «бригаду» боевиков, каждый из которых неплохо владел к тому времени особым стилем борьбы, которым натаскивал их Колька. В стиль этот входили некоторые, особо жесткие, приемы рукопашного боя, карате теквондо; они поехали в один город по наколке, которую Кольке дал один его знакомый. Обрато, после удачного дела, а вернее наезда, возвращались они, имея солидный навар. Колька еще в дороге почувствовал себя плохо, а, приехав, домой, почувствовал такую слабость, что еле добрался до кровати. Ночью у него пошла ртом кровь, он потерял сознание, а очнулся только утром в приемном покое больницы.

Его положили в палату интенсивной терапии, где он лежал под капельницей. Иногда сознание проваливалось и ему, почему-то, виделась бабушка, которая говорила одни и те же слова: «Впусти Господа!» Очнувшись, Колька никак не мог понять этих слов, сказанных ему вроде на яву, а вроде во сне...

Через несколько дней Колькину жену попросили зайти в ординаторскую, а ему самому сказали, что нужна срочная операция на желудке, иначе будет поздно.

«Режьте» - только и сказал Колька. В результате резекции ему удалили две трети желудка.

В больнице Кольку никто не навещал, все словно забыли о его существовании, и он, глядя в больничное окно, с тоской начал понимать, что он всем нужен был здоровый и с деньгами, а сейчас он нужен разве, что родителям, но они далеко отсюда, да и не знают о его состоянии. «Вот она беда - злодейка, кажется, достала и меня» - подумал с тоской Колька. Но он еще не знал, что ждет его дома, в квартире!

Последние две недели в больницу к нему никто не приходил, и он подумал, что, быть может, дети заболели и жене сейчас не до него. Да и что к нему ходить - то. Пищу ему не надо, так как ест он по паре ложек бульона десять-двенадцать раз в день.... Да, жизнь Колькина дала сбой. Из хорошего грамотного специалиста строителя монтажника прораба, он стал уже бригадиром. И хотя у него была самая большая комплексная бригада, и он был в уважении людей; - это все-таки не прораб большого участка в управлении, которое строило по всей Сибири, Дальнем Востоке, а также во многих странах за границей. Мало кто в таком молодом возрасте достигал такой карьеры. Но карьера - то эта сломалась! Спорт, кажется, тоже придется оставить, ведь сейчас он почти инвалид, одна треть желудка осталась. Обнадеживало только одно. Теперь он будет домосед, будет всегда с семьей; пусть при меньшем заработке, но хоть с женой все наладится. В таком радужном, оптимистическом настроении он и ехал домой из больницы. Ключи от квартиры у него были с собой, и он решил тихонько и неожиданно зайти домой, не предупреждая звонком.

Зайдя в квартиру, он сразу почувствовал, что что-то не так. И только совершенно осмотревшись, войдя из прихожей в зал, он с удивлением, а затем с ужасом увидел, что квартира совершенно пуста. И лишь на полу лежал белый лист бумаги, на котором что-то было написано. Подняв листок бумаги, Колька, сквозь пелену слез, прочитал следующее: «Если сможешь, прости меня. Мне в больнице сказали, что ты не жилец, у тебя рак желудка! Я забираю детей и уезжаю. Квартиру оставляю тебе. Скажу честно - уезжаю с другим женщиной».

Колька, словно в изнеможении, опустился на пол в пустой квартире. Затем он, не обращая внимания на резаный желудок, вскочил на ноги и в диком отчаянии закричал: «Я живой! ... Врете! ... Вы все врете! ... Я буду жить! ... Буду... Буду!...» Он снова рухнул на пол, и горькие слезы и стоны тоски и отчаяния долго слышались в этой пустой, осиротевшей его квартире.

После бессонной ночи и долгих размышлений, он более или менее определил дальнейшую свою жизнь. Развод, скорее всего, в суде будет заочным, и Колька решил продать квартиру, купить машину, о какой давно мечтал, и ехать жить к родителям, где и долежится, и окрепнет после операции. А то, что окрепнет и крепко встанет на ноги, он не сомневался. Ну, а там может и семью найдет..., впрочем, он еще не знал, как он поступит по отношению к жене.

На следующий день он съездил на работу, чтобы сдать в бухгалтерию больничный лист, и сказать, что еще месяца два будет на больничном. Затем, он поехал в спорт зал, где у него в сейфе была некоторая сумма денег. В этот же день он заказал переговоры по телефону с Ригой, где служил в звании полковника его свояк, с которым у него были хорошие отношения. Многим своим знакомым он сообщил, что собирается продать квартиру, и если будет покупатель, дал свой адрес и телефон, где его можно будет найти. Колька купил раскладушку, постель, так как в квартире у него ничего не было, обзавелся необходимой посудой, а через пару дней пошел на телеграф, на переговоры по телефону со свояком из Риги. В разговоре о машине, ради которой Колька и звонил, свояк пообещал помочь ему. Он назвал примерную сумму, которая устраивала Николая, и они попрощались.

Днями было Кольке скучно сидеть одному в пустой квартире, где на него находила тоска по семье, и он гулял по городу, а к вечеру заходил в спорт зал, где мог дать уже только теоретические советы в технике рукопашного боя. Однажды в спорт зал пришел Серега, через которого Колька и пришел в этот спорт зал. Сейчас это был уже известный в уголовной, да и милицейской среде криминальный авторитет, который через подставных лиц имел еще и сеть магазинов. В своей, уголовной и финансовой «карьере», для достижения

желаемого, Серега не брезговал ни чем. В разговоре с Серегой, Колька расчувствовался и поведал ему обо всех своих перипетиях судьбы и обо всех своих планах. Это-то и было ошибкой. Не однажды излишняя доверчивость к людям, малознакомым, подводила его, но снова наступил он на эти «грабли».

Когда Серега услышал, что после продажи квартиры Колька собирается в Ригу, то глаза его загорелись каким-то странным блеском. Колька и раньше улавливал это состояние Серегу перед спаррингом с ним, но никак не мог понять его состояния... - к чему оно?

Затем Серега сказал, что у него в Риге есть знакомые, через которых они с Колькой могут сделать неплохие «бабки». И если у Кольки все получится с машиной, то ему нужно будет лишь забрать груз у этих людей и привезти этот груз сюда. А пока Серега и договорится с ними об этом грузе. Колька поинтересовался, что это за груз, но в ответ Серега засмеялся и, то ли в шутку, то ли всерьез ответил, что это дефицитный лак для женских волос. В коробке пятьдесят баллончиков лака. Надо будет, наверное, взять, если Серега договорится, пару коробочек. Но об этом они поговорят потом, когда Серега созвонится и когда Колька поедет туда. На этом они и расстались..., до времени. Колька снова побрел в свою пустую квартиру.

Прошло некоторое время и, наконец-то, нашелся покупатель квартиры. Однажды утром позвонили в дверь, и когда Николай открыл, то увидел на площадке молодую пару. Это были, как они представились, муж и жена, которые приехали в Братск из Москвы и хотели бы осмотреть квартиру, которая, как им сказали, продается. Осмотрев квартиру, они остались довольны, и разговор принял деловой тон.

Когда Николай назвал сумму, которую хотел бы получить за квартиру, а он ее намеренно завысил, то с удивлением отметил, что Влад, так было имя молодого человека, не стал торговаться, а сразу согласился. Жена Влада вообще не вмешивалась в дела этой сделки. Все это показалось Кольке странным, и он спросил у Влада, кто дал ему Колькин адрес. Влад ответил, что сказал ему, что квартира продается, Сергей. Колька не стал вспоминать, говорил ли он Сереге в спорт зале или еще где-то свой адрес, так как его в данный момент обрадовало то обстоятельство, что у него не сбили цену. Влад и Николай договорились, когда они вместе пойдут оформлять официально свою сделку, а затем эта пара удалась.

Каким-то внутренним чутьем, подсознанием Николай чувствовал, что он идет против своей воли, что-то он делает не так, что-то невидимое, неуловимое и нехорошее витает в воздухе вокруг него. Что-то тревожило его, а что, он не мог понять! Он в задумчивости ходил по пустой квартире и размышлял. И только мысли начали настраиваться на логический лад, и только - вот-вот еще звено, и он поймет, что его тревожит.... Но снова мысль перескакивала на другое. Он думал, что скоро он возьмет деньги за квартиру, поедет в Ригу, где свояк поможет ему с покупкой хорошей иномарки, а потом он отдохнет у родителей. Подлечит и нервы, которые последнее время сдали, да и желудок еще требует послеоперационного лечения.... С этими мыслями он и стал ожидать окончания сделки с квартирой.

Прошло еще пару дней, и к Николаю снова пришел гость, а с ним еще три парня спортивного телосложения. Гость этот был давно знаком Кольке. Петруха, так его звали, работал когда-то у Кольки бригадиром. В то время Колька руководил несколькими бригадами монтажников, и самой лучшей бригадой у него была бригада под руководством Петрухи. И, несмотря на то, что ранее этот парень - сорви голова отсидел семь лет, Колька все же рискнул дать ему бригаду, и не пожалел о своем доверии.

А однажды, Петруха зашел к Николаю в кабинет и без жеманностей сказал: «Слышь, Николаич, возьми меня с собой на тренировку в спорт зал. Хоть научиться некоторым приемам, которые покруче».

Колька не стал интересоваться, зачем Петрухе понадобилось научиться приемам борьбы. В то время он думал, что парень встал на путь исправления, так говорили в обществе, поэтому посчитал нужным помочь ему и взял его на тренировку, куда тот ходил потом почти год. Затем Колька уехал в командировку, а когда приехал, то узнал, что Петруха снова сидит в тюрьме.

И вот этот парень, осматривая голые стены квартиры, немного помолчав, сказал: «Вот, Николаич, проездом в вашем городе я. Отсидел срок и остался в том городе, где был в зоне - в Ангарске. О тебе слышан, и хотел бы пасть порвать тем сволочам, что жизнь тебе сломали. Я теперь снова «бригадир», только другого профиля, и ребята у меня в бригаде крутые. Так что, если нужна моя помощь - говори, не пантуйся, я не фраер. Сказал - сделаю!»

В ответ Колька поблагодарил парня и сказал, что он уже решил уезжать, сказал, что продает квартиру, и с работы уволился уже. *j*

- Знаю я все о тебе, Николаич, - сказал Петруха.

- Ты мне немало добра сделал; мне такие люди не часто встречались, я тебя всегда уважал, ты - человек! И вот что скажу: с Серегой зря дело имеешь и зря откровенничаешь. Ему раз плюнуть - подставить человека. Чувствую, не зря он возле тебя веревки вьет. Если что-то вот тебе мой адрес, где меня найти. По этим «координатам» ты меня быстро сыщешь.

С этими словами Петруха достал визитку, которые уже были в моде в то время, и подал Кольке.

Поговорив еще немного о том, о сем, они расстались, пожелав друг другу удач.

Вскоре, оформив куплю - продажу, и получив хорошие деньги за квартиру, компания в составе Кольки, Влада, Сереги и еще нескольких человек сидели в ресторане и обмывали сделку. И хотя Колька не пил ни грамма после операции, но отказать в угощении людям он не мог. За столом в ресторане Колька сидел рядом с Серегой, и когда все загомонили после выпитого, Серега тихо сказал Кольке, что есть возможность не плохо заработать, если Колька захватит из Риги и привезет сюда товар. Товар этот не большой, всего две коробки баллончиков по пятьдесят штук в каждой. Есть риск, потому что баллончики не с лаком, как говорил раньше, а нервно - паралитическим газом. Упакованы они будут в коробки из под лака и внешне их не отличить от настоящих коробок с лаком. Кольке, всего лишь, надо будет доставить эти пять коробок до определенного места. Три коробки действительно с лаком, а две с газом. Чек на покупку лака ему в Риге тоже дадут. Навар у Кольки будет не плохой. «Ну, Колек! Соглашайся, дело стоящее, тебе сейчас бабки нужны на лекарства» и он засмеялся, как всегда замечал Колька, нехорошим смешком. А Кольку, видимо, уже обуял бес сребролюбия, он потерял совсем осторожность и осмотрительность. И он согласился на Серегина предложение. Серега дал ему адрес в Риге, а куда доставить коробки, адрес Кольке дадут там, в Риге. На этом они и закончили этот разговор.

А через некоторое время, всего лишь, с портфелем в руках и с аккредитивами в паспорте, Колька покинул этот город, в котором он достиг и немалых жизненных высот и потерпел фиаско. Впрочем, он еще надеялся наверстать потерянное, но это уже были его амбиции. Человек предполагает..., а путь от Господа! Забыл Колька, как эти слова говорила ему бабушка, да и многое он забыл из ее наставлений. Он думал, что если и придется ему побывать еще в Братске, то проездом, но он глубоко ошибался ...

В Ригу он приехал, когда там стояла летняя, на редкость солнечная погода. В руках у него был небольшой портфель, а в кармане права и паспорт с аккредитивами и адресами. Все остальные документы он отправил заказным письмом родителям, а вещей у него и не осталось. Жена забрала из квартиры все, даже его личные вещи. Да это Кольку, впрочем, и не беспокоило - это дело наживное. Тем более он привык в командировках обходиться без лишних вещей, которые для многих были просто обузой и ненужным грузом.

С вокзала он позвонил своему сваяку по телефону в штаб, где тот служил, так как день был рабочий и через час они уже сидели у того в квартире. Колька рассказал сваяку о разводе с женой, умолчав об остальных неурядицах в жизни, и затем разговор принял более деловой тон, ради которого он и приехал.

Сваяк Колькин был в звании полковника и, служа в штабе округа, имел связи и на таможне. В общем, достать иномарку, по доступной для Кольки цене, ему не составляло проблем.

Через пару дней Колька, к великой его радости, имел то, о чем в тайне, давно мечтал: это была ауди цвета мокрого асфальта с магнитолой и контролем климата. Машина была не с «нуля», но в отличном техническом состоянии. Сейчас к прочим документам, у него добавился технический паспорт на машину. Колька со свояком быстренько оформили «транзит» машины и ему только осталось заехать по адресу, который ему дал Серега и забрать «груз».

Когда Николай приехал по этому адресу и позвонил ему открыла девушка, которая, узнав, что Николай от Сергея, дала ему другой адрес и сказала, как туда быстро доехать. Николай поехал на новый адрес, но что-то непонятное заволновало его. Он напрягся с мыслями и вдруг понял, что его заволновало. Девушка, которая ему открыла дверь, на кого-то похожа, но на кого? Он начал перебирать всех своих знакомых, но никак не мог понять и вспомнить, с кем она имела сходство. Тем временем, он подъехал к частному домику, где его уже ждали; видимо девушка по телефону сообщила о его приезде.

Коробки были фабричной упаковки, обтянуты скотчем и не вызывали подозрения. Они лежали уже на улице, оставалось только забрать их в багажник, взять чек на груз и отправляться в обратную дорогу. Мужчина, который отдавал Кольке эти коробки, был немногословным и только сказал, что он по телефону с Серегой все обговорил и дал Николаю адрес, где этот груз ждут. Еще он добавил, что там с Колькой и рассчитаются.

В этот же день Колька покидал этот город. Вырвавшись из оживленного города, он придавил на акселератор и с удовольствием отметил, как быстро и легко машина набирает скорость. Город вскоре исчез из вида, а впереди была дальняя дорога. Колька включил магнитофон, чтобы поднять настроение, так как какое-то смутно-тревожное чувство не покидало его. Что-то беспокоило, а что он не мог понять...

В салоне Ауди не было слышно рокота двигателя, в пример нашим отечественным машинам. Навыки в вождении автомобиля у Кольки были неплохие. Работая прорабом, ему зачастую самому приходилось ездить на служебных машинах. И, сейчас, машина мягко и стремительно, словно стрела, мчалась по шоссе навстречу судьбе.

Ландшафт напоминал знакомые с детства места, из стереодинамиков лилась умиротворяющая душа музыка, и Колька, мечты которого наконец-то сбылись, отдался воспоминаниям детства и юности. Иногда воспоминания эти приходилось прервать, чтобы остановиться в каком-либо населенном пункте, перекусить. После операции он ел понемногу, но часто. Перекусив, он снова садился за руль и машина, стремительно набрав скорость, мчала его дальше.

В своих воспоминаниях Колька как будто заново переживал свое детство и юность. Он вспомнил и свою бабушку, наставления и советы которой, он стал совершенно забывать. Но тут же он как бы и оправдывал себя. Дело в том, что бабушка, во всех жизненных случаях видела руку Провидения и всегда искала защиты и помощи не у людей, а у Бога, и Кольке советовала так поступать. Но он всегда старался надеяться на собственные силы и разум, ну а все, что говорила о Боге бабушка, считал мистикой, хотя и осознавал, что многие случаи в его жизни имели не мистический характер, а скорее всего, следственный, логический. Колька, скорее всего, верил, что Бог есть. Но он думал о Боге, как о каком-то внешнем, не влияющем на эту земную жизнь сгустке разумной энергии. Он верил, что Бог, где-то там на небе. В отличие от бабушки, он не воспринимал Бога, как личность; тем более считал мистикой разговаривать с кем-то невидимым.

Размышления и воспоминания Кольки прервало то обстоятельство, что на дороге, а вернее, перегородив ее, стояли двое; молодая женщина, лет тридцати пяти и девушка.

По всем наружным признакам было видно, что молодая девушка беременна, и кажется, собирается, рожать прямо на дороге. По характеру своему, Колька был человек сострадательный, хотя и вспыльчивый. Вот сейчас, хотя и предупреждал его свояк не брать незнакомых пассажиров, он, обматерив женщин, что стоят посреди дороги, велел садиться им в машину, чтобы довезти до роддома или до ближайшей больницы. Он даже не обратил внимания, что поблизости нет никакого населенного пункта.

Прошло немного времени, как они поехали, и девушке стало совсем плохо. Женщина попросила Кольку, чтобы он притормозил. И только он это сделал, как тут же получил страшный удар по голове! Он только услышал какой-то треск, как будто кожа на голове лопнула или череп разломился...

А затем он, как бы сверху и даже с каким-то удивлением, увидел, что его Кольку вытаскивают из его же машины двое парней и две женщины. В обличии одного из парней было, что-то знакомое, а женщины были те, которых вез Колька в своей машине, только от беременности девушки и следа не осталось.

Колька видел, как вывернули его карманы, забрали документы и небольшую сумму денег, что у него была в кармане, а затем Кольку, вернее его безжизненное тело бросили в речку возле моста. Затем была сплошная темнота и какое-то небытие. Очнувшись, Колька успел заметить, что его волочет из воды какой-то мужик, и снова потерял сознание.

После страшного удара по голове, Колька был в коме, в клинической смерти, но видимо, Богу было угодно, чтоб он еще пожил на земле, и теперь он пребывал в бредовом состоянии, и сюжеты его детства, юности и всей жизни, словно кадры кинохроники, мелькали в его воспаленной больной голове, хаотично, непоследовательно. В видениях появилась бабушка, которая говорила Кольке: «Коленька, внучек мой родной, - все неожиданные случаи у человека, все удары судьбы и трагедии - это не что иное, как стук Бога в сердца людей. Отзовись, обратись, покайся перед Ним! И ты бы Коля обратился к Нему, Он ждет тебя!» А Колька в ответ только скептически улыбался. Затем в видениях пронеслась жизнь в Братске, его удачи и неудачи. Затем снова появилась бабушка, которая надевала на Кольку нательный крестик, а он срывал его и вырывался от бабушки, и тут же возникал в видении отец, который говорил: «Правильно, сынок. Это пережитки прошлого. Бога нет ..., хотя..., хотя все же что-то есть!»

Очнулся Колька на берегу речки, из которой выловил его местный пастух, который подъехал к речке, чтобы напоить лошадь. Его то Колька и видел, когда сознание на время приходило в норму. Колька хотел встать, но страшная боль пронзила его позвоночник и голову, и он снова потерял сознание. И снова видения стали мелькать в его воспаленном мозге. В видении он увидел свою пустую квартиру и записку жены, оставленную на полу. Он читал записку: «... ты не жилец..., я уезжаю с другим..., ты не жилец». И тут же в видении он слышит свой отчаянный крик души: «Я живой! Вы врете! Я буду жить! Буду!!!»

«Живой, живой, бедолага; чего кричишь - то, лежи тихо нельзя тебе кричать. Вона голова-то вся разбита. Где тебя так угораздило упасть? С моста что ли?»

Над Колькой хлопотал тот пастух, который и вытащил его из воды. Он заматал Кольке голову какой-то тряпицей, а затем велел ему лежать и не двигаться, а сам поскакал верхом на лошади до ближайшего телефона, чтобы вызвать скорую помощь.

А в это время по московскому тракту, все дальше и дальше от места событий, на восток, мчалась Колькина Ауди. В салоне Машины были четверо: два парня и две женщины. Они думали, что Колька мертв. Они и предположить не могли, что, будучи в клинической смерти, душа Кольки была рядом с его телом и намертво зафиксировала, их лица...

Да, не вытравило еще совсем новое веяние жизни из русской души человека, то доброе, милосердное и сострадательное качество характера, которое дал ему Господь Бог. Не перевелись еще в России добрые самаряне.... Помог Кольке в его несчастье и этот простой пастух. Выполнил он сполна свой человеческий долг! Он вызвал скорую и показал место, где лежал Колька. Помог погрузить парня в машину и пожелал Кольке скорейшего выздоровления.

Затем были долгие дни выздоровления. Еще, будучи в Риге у свояка на квартире, Колька подстраховался и оставшиеся деньги от покупки положил в карманчик, который пришел с внутренней стоны трусов. И вот теперь эти деньги оказались очень кстати. Часть денег он потратил на необходимые дефицитные лекарства, а часть, чтобы выправить документы, которых он лишился при налете на него в машине.

После выписки из больницы, Колька поехал к своим родителям в родные пенаты, в места, где прошло его детство и юность.

Родители уже знали, что семейная жизнь Николая разрушилась и очень за него переживали. Поэтому не стал Колька говорить лишнего. Он рассказал, что продал свою квартиру в Сибири по хорошей цене, а затем съездил в Ригу, где с помощью свояка купил АУДИ. Затем на машине поехал к ним, но по дороге попал в аварию. Машина сейчас на ремонте в автосервисе, а он заехал к ним отдохнуть и подлечиться. Не стал говорить Колька родителям правду. Не стал потому, что если скажет он им все, то не отпустит его уже мать никуда из дома. Он уже и так заметил, что мама украдкой смахивала слезы, тихо вздыхала и все порывалась что-то спросить Кольку, но он всякий раз, найдя какой-либо предлог, уходил от откровенного разговора. И все же пришлось ему придумать предлог для своей новой поездки в Сибирь, так как он начал догадываться, кто стоит за всем этим нападением на него. А догадываться он начал после того, как вспомнил, что та девушка, которая открывала ему дверь, когда он приехал на первый адрес, была очень похожа на женщину Влада, который купил у Кольки квартиру. Быть может, это была ее сестра. Во всяком случае, все это странно, и Колька уже решительно надумал разобраться во всем этом деле и вернуть либо машину, либо деньги за нее. Решил он действовать пока один, сам; ну а если нужно будет, то и к Петрухе обратиться за помощью.

Через пол года Колька сказал родителям, что уезжает за машиной, а затем поедет дальше в Сибирь, чтобы закончить с делами в Братске, а затем вернуться к ним на постоянное место жительства.

И снова, как колокольчиком, в голове отозвались слова бабушки: «Человек предполагает, а путь от Господа!»

Все чаще и чаще стал он, словно наяву, слышать голос бабушки!

Наступил день, вернее утро, когда Кольке нужно было уезжать. Билет на автобус был куплен заранее на 5 часов утра. С вечера была собрана сумка, а рано утром мама разбудила Кольку, когда завтрак стоял на столе. Наскоро умывшись и позавтракав, Колька взял сумку, попрощался с родителями собрался идти, но мама тоже оделась и пошла проводить его, хоть до соседней улицы. Они шли молча, но Колька внутренним чувством угадывал, что у мамы сейчас очень тяжело на душе. Видимо она чувствовала, что эта разлука с сыном будет очень, очень долгой и тяжелой. На соседней улице Колька не выдержал этой душевной пытки и нарочно бодро сказал: «Ну, мама до скорого, не хворайте с папой, скоро приеду», поцеловал мать и побежал, чтобы она не видела его слез...

Пройдя быстрым шагом метров сто, он оглянулся. Мать стояла на том же месте, и как-то судорожно махнув ему рукой, утерла ладонью глаза. Колька понял, что мать тоже плачет. Видимо подсказывало сердце им обоим в этот миг, что разлука эта будет очень тяжелой и долгой...

И, вот, вновь мчит Кольку поезд Москва - Лена в Сибирь, как, когда-то, много лет назад. И если в то время это был молодой энергичный романтик, всецело надеющийся на свои силы, то сейчас это был израненный телом и душой человек, который не ожесточился от невзгод жизни, которые обрушились на него, нет! А который с холодной твердой и суровой правдой мести, едет восстанавливать справедливость и забрать свое.

Лежа в купе на полке и размышляя о последних событиях, логически анализируя ход событий, он иногда толи засыпал, толи был в каком-то полузабытьи; и почти всегда в этом состоянии он видел свою бабушку, которая говорила ему одни и те же слова: «Коля, родной мой, остановись! Поговори с Господом нашим, Он тебе поможет!»

Словно очнувшись от этих видений, Колька и на самом деле начал верить в существование Бога серьезно. Ведь он же видел свое тело, находясь в иной субстанции, когда был в коме после удара по голове. Ведь он же помнит эти лица людей, которые напали на него.... И снова его мысли уходили от этих размышлений о потустороннем и переключались на главную цель его действительных забот. Колька уже начал догадываться, кто на него навел и с ко-го надо начинать разматывать этот клубок. Он решил по приезду в свой город сам лично,

не привлекая пока никого, отследить всю цепочку, действующих в этом нападении лиц, начиная от заказчика и до исполнителей. Ну, а затем, в зависимости от обстоятельств, либо обратиться к Петрухе, либо все сделать самому и при этом блефануть, что за его спиной стоят серьезные, крутые ребята. Года два тому назад, Колька бы не стал долго размышлять. В то время у него было отменное здоровье, и он уже готовился подтвердить на мастера спорта. Но иное дело сейчас: хромяя нога, резаный желудок и стряхнутая голова; все эти критерии здоровья говорили только об одном - надо действовать хитростью и даже коварством. Снисхождения быть не должно. С ним самим не церемонились; его просто хотели убить, а концы в воду. И это просто чудо, что он остался жив. Значит, и ему при случае, церемониться тоже не стоит, а действовать наверняка.

Да, суровая жизнь наступила в стране, кругом беспредел, защиты искать не у кого. Обращаться в милицию, тоже нет смысла, тем более они еще в больнице взяли с него показания, а дело не сдвинулось ни на йоту. Все прогнило, все рушится, материальные ценности превыше всего. Даже его, Кольку, про которого когда-то говорили «рубашка - парень», и то затянуло в болото материальной наживы. Действительно, это время иначе как «полет России над пропастью», не назовешь!

Вот в таких грустных размышлениях и подъезжал Колька к своему городу.

В городе Николай устроился в гостиницу, но не в своем районе, где его многие знали в лицо, а в соседнем. Он старался быть не узнаваемым никем и даже слегка изменял внешность затемненными очками и прической. Впрочем, его внешность за последнее время и без дополнительного макияжа изменила его так сильно, что однажды при встрече с одним знакомым Колька прошел рядом и остался неузнанным. Да, видимо, бесследно не прошли для него все эти передраги жизни.

За две недели Колька выяснил все, что ему было нужно. Он наметил день и время, когда Серега заходит к своему другу, который участвовал в нападении на Кольку, и решил, что застав их вместе, уличит и Серегу в причастности к нападению. А то, что он был причастен и играл главную роль в этом деле, Колька уже знал точно.

Перед тем как пойти на разборку, Колька прилег на кровать в гостинице и задремал. Во сне он увидел бабушку, которая сказала ему: «Коля, не ходил бы ты туда». А он спросил ее: «Что же мне делать, ведь я хочу просто потребовать свое». А бабушка сказала: «Коля, обратись, родной, к Господу, попроси Его, Он научит и поможет тебе; ты только обратись к Нему».

Проснулся Колька с больной головой. Сердце подсказывало ему: «Не ходи!» А разум толкал: «Действуй!» И он пошел туда. Наивно Колька даже думал, что и за потерянное здоровье он предьявит счет. Колька предполагал, что он напугает Серегу либо милицией, либо крутыми авторитетами из уголовной среды. Тем более он разузнал, что среди уголовных авторитетов о Сереге ходят нехорошие слухи. Взвесив все это, он и рискнул идти один.

Открыла квартиру Кольке женщина, и он сразу узнал в ней одну из пассажирок, которых подобрал на трассе. Этому Колька не ожидал. Он спросил Сергея, и она, видимо, не узнав в темной прихожей Кольку, пригласила его пройти в комнату.

Увидев вошедшего Кольку, Серега и его дружок опешили от неожиданности, но затем Серега быстро взял себя в руки и спросил: «Коллек, братан, ты один? Откуда ты? Какими судьбами?» При этом он мигнул своему другу, видимо для того, чтобы он посмотрел возле дома, нет ли еще кого с Колькой.

Квартира была двух или трех комнатная, и Колька понял, что находится в зале. Он бегло окинул комнату взглядом и присел на предложенное Серегой кресло, и это было его ошибкой. Кресло стояло рядом с выходом из этой комнаты в другую, спиной к двери. На столе стоял какой-то музыкальный центр, и тихо играла музыка. Еще на столе стояла бутылка водки, коньяку и закуска; и лежали два ножа, вилки и ложки. Серега сел во второе кресло; в его суетливых движениях виделось нервное напряжение. Он предложил Кольке вы-

пить по рюмочке и без кипиша серьезно поговорить. И тут Колька сделал еще одну ошибку. Он согласился выпить рюмку водки.

Когда они выпили, Колька выложил Сереге все свои доводы Сережиного участия в его ограблении и, можно сказать, в убийстве. Затем он выложил свои требования и назвал сумму, которую должен отдать ему Серега за машину и за отнятое здоровье. При этом он сказал, что за ним стоят серьезные люди. На вопрос Сереги, что это за серьезные люди, Колька уклонился от ответа. Колька несколько раз уловил взгляд Сереги на том, что он с кем-то общается мимикой, глядя за спину Кольки в другую комнату. Он также слышал, что там кто-то говорил по телефону, но, разговаривая с Серегой и из-за музыки, не мог сосредоточиться и расслышать, что там говорили.

Разговор начал принимать жесткий характер. Затем неожиданно Колька почувствовал резкую боль в голове и понял, что его сзади из-за кресла схватили за волосы. Голова задралась назад, и он увидел над собой руку с топором. Серега в это время схватил нож и, приставив к горлу Кольки, стал угрожающе спрашивать, что за люди, о которых говорит Колька, стоят за ним. Видимо нож, он прижал к горлу сильно, и Колька почувствовал, как его кровь потекла ему на грудь.

Серега сделал ошибку, привстал с кресла и стоял напротив Кольки. Это решило все. Колька резко поднял руки и схватился за руки с топором. Одновременно он подогнул ноги, и резко выпрямив их, нанес сильный удар Сереге, а человека, руку с топором которого он захватил, Колька с силой перекинул через себя вперед, при этом топор оказался у Кольки в руках. Серега в это время резко вскочил на ноги и, схватив со стола второй нож, кинулся на Кольку; и в то же время сзади кто-то третий, нанес чем-то тяжелым по плечу Кольке, метя видимо в голову. У Кольки потемнело в глазах, то ли от боли, то ли от ярости. Он потерял над собой контроль. Ярость взяла верх над разумом!

Сколько времени продолжалась эта бойня он не помнил. И даже впоследствии, когда его арестовали, он не мог воспроизвести по памяти все детали этой драки и убийства. Только от следователя он узнал, кого убил сразу, а кто умер в больнице.

Через три года состоялось судебное заседание по его делу. Дело рассматривал областной суд.

Сокамерники и знающие люди успокаивали Кольку, что у него превышение необходимой обороны, и больше десяти лет ему не дадут; да и догонял он свое. Но перед судом Кольке приснился сон, в котором он увидел себя с большой бородой, хотя никогда в жизни он не носил бороду..., Колька понял, что приговор будет суровым...

На суде его приговорили к расстрелу.

На исполнительную тюрьму нужно было ехать больше суток поездом. Мерно перестукивали колеса столыпинского вагона, навевая своим монотонным стуком невеселые размышления у необычных пассажиров этого вагона.

В тройнике - боксе на троих, сидел на нижней иконке арестант, прицепленный правой рукой к решетке бокса наручником. Все арестанты вагона были в курсе, что в крайнем боксе - тройнике везут смертника на исполнительную тюрьму. Иногда, по времени, приходил начальник конвоя и, отперев наручник, сам лично водил Кольку, а это был он, в туалет.

Туалет находился в другом конце вагона, и Кольке каждый раз нужно было идти через весь вагон, мимо зарешеченных боксов с преступниками. Гомон от разговоров в боксах в это время стихал, все узники вагона смотрели сквозь решетку на проходящего мимо Кольку, кто с интересом, кто с сожалением и состраданием; и от этого излишнего внимания и сострадания, на душе у Кольки становилось еще тоскливее и тяжелее. Приведя Кольку обратно, начальник конвоя снова пристегивал его руку наручником к решетке, и Колька снова погружался в свои тяжелые и горестные размышления о своей не сложившейся судьбе. Иногда он бросал свой тоскливый взгляд на зарешеченное окно напротив бокса и думал, что навряд ли он

уже когда-либо увидит это небо, солнце и все остальное, что связывает его с этой жизнью на земле.

Иногда Колька впадал в какой-то ступор; то ли он засыпал, то ли это было какое-то полузабытьё; и в это время, как это случалось все чаще и чаще в последнее время, с ним разговаривала его покойная бабушка: «Коля, обратись к Христу, Господу нашему, повинись перед Ним, попроси Его о милости, Он добрый, Он милостивый Отец, Он тебя простит и помилует, и ты будешь жить». Но снова Колька, приходя в себя, выйдя из этой дремоты, отгонял эти видения, как назойливых мух. Но, отогнав эти видения, он в реальности чувствовал себя еще сквернее.

А поезд все шел вперед, везя в стольпинском вагоне арестантов с их разными и в то же время одинаково искалеченными судьбами и разбитыми сердцами. И каждый из этих, больных душой людей, мог бы исцелиться, обрести новую жизнь, обратиться он к Господу! ... Но в сердцах этих людей была еще ночь, сердца эти были еще слишком тверды...

Так какой же нужен удар, чтобы размягчить эти сердца!!! ...

Ну, вот и централ. Колька спрыгнул на землю из автозэка со сцепленными наручником на заде руками. Еще в Братске в СИЗО ему объявили, что сейчас все его передвижения вне камеры будут только в наручниках. Он поднял голову, взглянул на небо, на кроны деревьев, видневшихся из-за забора, и с горечью и тоской подумал: увидит ли он когда-нибудь это небо и солнце, придется ли выйти своими ногами из этой тюрьмы, куда его привезли на исполнение приговора, который определили ему люди - суд.... С этими мрачными думами он и перешагнул порог этого старого мрачного здания, за стенами которого провели в свое время заточенные узники

различного социального статуса: дворяне - декабристы, анархисты, эсеры - социалисты, белогвардейцы и красно - армейцы, репрессированные политические и простые уголовники; впрочем, здесь статус у всех один - арестант! ...И не важно, - генерал ты или бомж - ты здесь, как и все имеешь ту же камеру, те же нары, ту же неволю!

После тщательного обыска, Кольку постригли наголо, изъяли все лишнее, переодели в полосатую робу и повели в подвал, в одиночную камеру смертников. Как не крепился Колька, но ужас навалился на него всей тяжестью и словно сковал всю его волю, разум и душу. Он был словно пьяный, как будто пребывал в каком-то трансе, все происходило словно не с ним. Как будто во сне прошел он расстояние от привратки до камеры в подвале.

И вот он остался в камере один, двери захлопнулись; для чего их откроют вновь? Куда его выведут отсюда? Когда??? ...??? Душевная агония накрыла Кольку и сковала его разум таким ужасом, что он впоследствии даже смутно мог вспомнить первые дни своего пребывания в камере.

Отрезвило полностью то, что через месяц ночью пришли за соседом, что сидел напротив. Пашке, так звали соседа, приказали взять вещи и выходить, предварительно одев наручники. Времени было около десяти часов вечера. День был расстрельный, и Колька понял, что пришло время Пашки, вот за ним и пришли.

Колька стоял в своей камере у двери и слушал, как его уводят. Нервы были на пределе, словно это его самого уводили на смерть. Состояние было ужасное. Этого, наверное, ни один самый талантливый писатель не сможет описать и ни один самый одаренный актер не передаст - это надо только пережить самому, чтобы все прочувствовать и понять до глубины сердца!

Сигареты из пачки исчезали одна за другой. До утра Колька скурил три пачки!

Одно дело принять смерть на войне, в драке, когда ты о ней не успеваешь думать, да можешь и защититься. Но иное дело - ожидание физической смерти, когда она берет тебя за горло, в свои когти, а ты ничем не можешь себе помочь - это состояние ужасно!!! И самому лютому врагу не пожелал бы этого Колька.

Пашку отвели в спец. камеру, которая была в смежном подвале, а затем, примерно в час ночи, его снова вывели и увели совсем...

И вот тут Колька осознал весь ужас своего положения. Он понял, что все - это конец, и никто ему не поможет. Он уже не увидит ни своих родителей, ни своих детей. Он, словно, ощутил себя на краю могилы. Смерть ему дышит в лицо, и он, словно ощущает ее дыхание. Что же делать?!

Колька был на грани сумасшествия! И тут вспомнилась бабушка и ее слова: «Коленька, Господь наш живой. Он все видит, слышит и ждет тебя, иди родной к Нему и поговори с Ним, ... Он поможет тебе».

И Колька подумал: «А если это не сказки, а если существует живой, всемогущий Бог, Который, по словам бабушки, сотворил этот мир. Которому все подвластно и для которого нет ничего не возможного.... А если???!»

И душа Кольки закричала. Его сердце, словно зашло в этом крике: «Господи! Боже! Если Ты есть - ответь мне, помоги мне, спаси и прости меня!»

Отчаяние Кольки достигло такого предела, что сейчас он стоял на коленях на холодном бетонном полу камеры, даже не помня, как он упал на колени, и всем своим сердцем взывал, с последней надеждой, к Богу, к Живому Богу, о Котором слышал от мамы и бабушки...

И Он явил Себя!

Словно присутствие кого-то невидимого почувствовал Колька в камере, как будто в камере стало светлее и теплее, а из глаз Кольки брызнули ручьем слезы. Но это были не слезы тоски и печали - это были слезы радости и покаяния. С этими слезами из души его, из его сердца как бы выходила какая-то тяжесть, словно он скинул, какой-то тяжелый груз.

Кольке стало так легко и хорошо, как бывало в детстве, когда мама и бабушка прижимала Кольку к своей груди, гладила по голове и прощала нашкодившего Кольку. Ему стало так легко и хорошо, что он не заметил, как крепко уснул на своей кровати.

Во сне он увидел свою бабушку, которая гладила его по голове и говорила: «Ну, вот и хорошо, что ты пришел. Теперь ты будешь жить и не умрешь, а Господь Наш простил тебя. Ты, Коленька только не грехи больше, зачеркни старую жизнь, живи новой - с Господом в сердце!»

Вскоре после этих событий, Кольке принесли Евангелие. И обновленная, покаявшаяся душа его с жадностью начала впитывать эту духовную пищу. Страхи и ужасы ушли и Колька понял, что отныне он под защитой Бога, Живого Бога, к Которому он воззвал в своем безнадежном, казалось, отчаянии, и Который пришел той ночью, Который был всегда рядом, но только он этого не понимал, а вернее не хотел понимать. Колька наконец-то увидел Свет. Свет был ни с чем не сравним, и он пошел на этот Свет. Колька уже не сомневался, что будет Жить!

*** *** ***

Воспоминания Колькины были прерваны тем, что время подошло к обеду и пора было вылезать из под одеяла и получать баланду.

После землетрясения прошло несколько дней, и однажды во время техосмотра камеры, который проводили каждый день, Кольке объявили, что его переведут в другую камеру.

«Ну, слава Богу» - подумал Колька: «Быть может, сейчас в теплую камеру переведут».

Ну, а самое главное было то, что он уже цепко держал в памяти свою, одному ему и Богу известную тайну спрятанного адмиралом Колчаком, золота. Ну, а то, что он обнаружил в стене, он просто уничтожил.

Как и предполагал Колька, при переводе его тщательно обыскали, а затем перевели в более теплую камеру.

Соседом его, через стенку, оказался Толик - смертник со стажем, который находился в этом подвале намного раньше Кольки. Он оказался очень разговорчивым человеком, и они целый вечер проговорили по параше на разные темы.

По параше, то есть по канализации, говорить было просто: из унитаза убиралась тряпкой вода досуха; сосед делал то же самое. Конечно, перед этим канализационная труба промывается чистой водой и даже хлоркой. После всех этих процедур «телефон» был готов.

В самом начале разговора Толик спросил Кольку, как он чувствовал себя в Колчаковской камере. Дело в том, пояснил он, что в той камере подолгу, никто никогда не сидел. Даже администрация в курсе, что в той камере происходят странные, загадочные чудеса. Людей, которые там сидели, придавливала какая-то сила. Им было очень тяжело в той камере и психологически и физически. Иногда арестантов просто швыряло в сторону от стены, особенно от наружной торцевой. Неоднократно в той камере люди вешались насмерть.

В ответ Колька сказал, что он человек верующий в Бога, и Господь всегда с ним везде и навеки, так же у него есть Библия, которую он читает ежедневно, поэтому в той камере он был под защитой Иисуса Христа, и его не беспокоила никакая темная сила! «Я уповаю на Господа, кого мне бояться» - констатировал Колька. «Кстати» - сказал Толик: «В твоей камере, где ты сейчас сидишь, сидел до твоего приезда сюда тоже верующий. Звали его Стас, а было ему 25 лет всего. Я расскажу тебе, как он умер: Однажды мы услышали из его камеры крик. Крик был какой-то странный и страшный. Я по коридору спросил Стаса, что у него случилось. В ответ он хриплым голосом сказал, что он вырвал ложкой у себя глаз. Все мы были в шоке! Оказалось, что, прочитав в Евангелие слова о том, что если тебя соблазняет твой глаз, то вырви его..., Стас так и поступил. Мы стали звать дежурного инспектора и врача. Когда открыли камеру Стаса, он был весь в крови. На него надели наручники и перебинтовали рану, а также сделали какой-то укол. После укола Стас уснул, а дежурный офицер, врач и инспектор ушли, оставив на время Стаса без присмотра, но в наручниках. Когда они пришли часа через два - три и открыли камеру, то увидели, что Стас лежит уже мертвый, а вены на его руках перекушены».

Может, ты, Колек, мне, как верующий человек, пояснишь, почему Стас такое над собой сделал. Что-то я не понимаю такую веру».

Колька не мог в этот вечер дать ответ Толику на этот вопрос. Не мог потому, что сам не понимал и не знал ответа. Но Колька в этот же вечер помолился и попросил Отца во имя Сына Иисуса Христа объяснить ему ответ на вопрос Толика. Колька отдал жизнь свою Отцу Небесному во имя Иисуса Христа, и Отец уже послал в сердце Кольки Духа Святого, который и направлял его по пути истинному. Поэтому он и не сомневался, что Господь пошлет ему ответ.

На следующий день Колька вновь общался со своим соседом, и они продолжали обсуждение темы, затронутой накануне. Колька, как можно проще и понятнее начал пояснять Толику суть случившегося со Стасом: «Толян, вот допустим, ты учишься в пятом классе и умеешь решать только простенькие алгебраические примеры. И вдруг, тебе попадается учебник по высшей математике. Сможешь ли ты решить какую-либо задачу из этого учебника? Конечно же, не сможешь! Но, если тебе все разъяснит преподаватель, учитель сведущий в этом предмете, то ты, конечно, поймешь и решишь. Вот так и в этом вопросе со Стасом:

Библия - это учебник - это слово Бога, обращенное к людям, это инструкция для жизни и на земле и в вечности. Библия написана людьми, но под руководством, под вдохновением Духа Святого, Которого Отец излил на этих людей.

Поэтому, к примеру, любой верующий человек, если он исполнен Духа Святого, прежде чем читать Библию, он помолится и попросит того, под чьим руководством написана Библия, разъяснить, открыть, как надо понимать правильно прочитанное. То есть читать Библию не плотским умом, зрением, а духовным. Тогда и прочитанное этот человек будет понимать не буквально, а духовно. И, если написано «вырви глаз», то это не надо понимать буквально, а усматривать образ, то есть отвергнуть соблазны и с помощью Господа Иисуса Христа! Дело в том, Толя, что зачастую человек хочет постигнуть все сам, и в этом его ошибка. Я сам это испытал, да и ты тоже. А результат? ... Вот он, налицо! Мы здесь! Но с тех пор как я покаялся Отцу и отдал Ему свое сердце, я отдал Ему и руководство над своей жизнью, потому что всецело доверяю Ему. И я уже все чаще и чаще обращаюсь к Господу Иисусу, чтобы Он указывал мне путь мой, направлял меня. А посему я уже не делаю тех ошибок, какие делал в той греховной жизни, без Господа в сердце. Конечно, не все делается сразу, а нужен духовный рост, как и во всем. Но я не сомневаюсь, что Отец не оставит меня и приведет в Царство Свое, потому как я избрал путь Христов, и без Господа я уже не мыслю жить!

И если я прошу совета у Того, кто дает жизнь всему, то неужели Он даст мне умереть! Конечно, нет!

Вот поэтому, Толя, читать Библию - это еще не все, этого мало. Надо самому лично обратиться к Отцу, отдать Ему сердце с верой, покаяться в грехах своих и просить Его руководства во имя Иисуса Христа Сына Божия. Вот тогда и исполнит Отец Духом Святым этого человека, чтобы он не заблудился в мире сем».

С каждым днем Толик все внимательнее и чаще слушал Кольку. А Колька молился и за него и за всех в подвале, чтобы Господь коснулся сердец этих людей.

Однажды Толик спросил: «Коллек, а как Бог отвечает на твои вопросы к Нему»

«Отвечает он мне по-разному - где через Библию, где через людей, где мысль посылает, то есть Дух Святой направляет, а бывает и голосом, но об этом ты можешь и сам узнать, когда Господа призовешь в свое сердце».

Вскоре в подвале, где находились бывшие смертники, стало на одного христианина больше. А Колька радовался в Господе, что еще одного человека Господь помиловал. Так вот и начал Евангелизацию среди арестантов подвала Колька с помощью Господа Иисуса Христа и вскоре в подвале этом жизнь стала совсем иной! Да, за все те годы, что Колька просидел в этом подвале, к ним не пришел ни один религиозный деятель, но для Господа нет границ и запертых дверей. Он духом своим осиял сердца этих отчаявшихся людей и вселил им уверенность и радость.

Приблизился 1999 год, и бывшим смертникам начали приносить для ознакомления указы Президента о замене смертной казни кому на какой-либо срок, а кому на пожизненное заключение. Иногда даже казалось с человеческой точки зрения парадоксальным то, что узнику, у которого четыре или пять трупов, заменили на пятнадцать или двадцать пять лет. А у которого один или два трупа - заменили на пожизненное заключение. Снова начались споры и обсуждения действий властей. Но Колька уже во всем видел совершенную волю Господа, а посему и принял свою замену смертной казни на пожизненное заключение, как волю Отца. Колька уже не сомневался, что Господь не оставит на половине Своей милости к нему.

И в дальнейшем он убеждался на примерах, что те, кому заменили смертную казнь на определенные сроки, быстро забыли о Том, Кто послал им эту милость; а Колька не хотел быть иудой, да он и понял, что Господь хочет, чтобы он был духовно крепок, прежде чем выйти на волю, А то, что он выйдет с помощью Господа Иисуса Христа, Колька уже не сомневался. Ибо он верил написанному в Библии.

*Ты ввел нас в сеть, положил оковы
На чресла наши, посадил человека*

*на главу нашу. Мы вошли в огонь и в воду,
и Ты вывел нас на свободу ...*

ПС 65:11-12.

Впереди будет путь, путь трудный и сложный, со множеством испытаний и приключений. Но путь этот с Господом в сердце, и Колька уже не сомневался, что он этот путь пройдет.

Вместо эпилога

Р. S. Вторая книга существует пока в творческом воображении автора по причине некоторых, еще не происшедших событий, но она, по замыслу автора, будет не менее интересной и отражающей действительные события и факты книгой. Ну, а пока, вместо второй книги имеет место эпилог, - это, в общем-то, в какой-то степени, отражение сюжета из контекста второй книги.

... Прошли долгие годы в колонии для пожизненного заключения. Не пролетели, а именно прошли в тяжелом духовном труде над собой, над своим характером, в победе над своим грехом! Но труд этот был и радостен, ведь трудился Колька ради Господа Иисуса Христа, под руководством Духа Святого, и он сам замечал за собою перемены к лучшему. Впрочем, Колька не обольщался достигнутым, а отдавал славу и приоритет Отцу Небесному, так как он знал, что без Христа ничего бы он не достиг!

Николай верил, что Господь, зажегши его Своим Светом, не оставит его тлеть, а возжегши до определенного уровня, выведет на свободу, чтобы светить Светом Христовым и на свободе, где царит духовная темнота. Он, конечно, боялся, выдержит ли он и на воле быть в вере, не обольстится ли блеском этого материального мира, не утянет ли его в болото материализма то богатство, которое, пока было в его памяти. Вот поэтому Колька на протяжении всех долгих лет, пребывая в колонии, молился, чтобы Господь и на свободе укреплял его дух и не оставил. И он уже был уверен, что не даст ему Господь сойти с этого истинного пути, потому что открыл ему Господь понемногу, что ему предстоит делать в дальнейшем.

Свои пятнадцать лет Колька отсидел в год переизбрания Президента в стране. Если предыдущий Президент был хотя и юрист, но силовик, который собрал мощную президентскую команду вокруг себя, то новый Президент - тоже юрист - заступил для того, чтобы с этой сильной командой привести в действие те многие наработанные прежним президентом законы, и этим поднять экономику, мощь и мировой престиж страны. Тем более - Президент - человек, верующий в Бога!

И Николай верил, что поможет теперь Господь через этого Президента его многострадальной, истерзанной, разграбленной и опустошенной духовно и материально Родине. Он верил, что словно птица Феникс, и Россия восстанет из праха и пепла..., и воссияет. Воссияет Светом Христовым, на удивление всему миру, и во спасение другим народам.

Николай иногда мысленно, как бы обращал свой взор в прошлое, и говорил: «Александр Васильевич! Ты не дожил до этих дней, но я верю, что ты хотел увидеть Россию чистой, святой и обновленной. Я верю, что ты, как патриот и интеллигент высшего порядка желал нашей матушке России только блага. И я хочу того же. Я верю, что Господь направит меня по тому пути, где я буду полезен нашей Родине и нужен Господу Иисусу Христу! Я выполню твою просьбу, которую ты когда-то написал кровью и на клочке бумаги!» И Николай не сомневался, что так и будет!

И вот, в стране объявили амнистию.

Все бывшие смертники, которые были когда-то приговорены к смертной казни, а их осталось уже и не так много, и отсидевшие пятнадцать и более лет, подпадали под амнистию. И Николай оказался на свободе. То, что он читал из газет, и слышал по радио, было

лишь частичкой той скудной информации, которая открылась его взору на свободе. Он увидел ту ужасную действительность в стране, в которой он практически не был почти два десятка лет.

Он увидел разительный контраст сверкающих витрин городских супермаркетов и гнетущую душу запустелость полей сельского хозяйства. Пьянство, наркота и разврат, словно неприкрытое бесстыдство шокировало Кольку.

И понял Николай, что надо впрягаться в этот «воз», как бы ни было тяжело. Господь поможет! Тем более он также видел, что с наполнением мерзостей и беззакония, в стране начала возрастать и благодать Божия!

Духовность тоже возрастала, и это очень радовало Кольку. Он уже верил, что Россия, с помощью Божьей, встанет с колен. Но сначала надо встать на эти колени! Необходимо ее покаяние!

Ведь Колька сам дошел до предела и стоял на краю могилы; но покался, упал на колени перед Господом, и Он простил, Он помиловал, Он вырвал Кольку из зева этой могилы..., вырвет Он и Россию, Колька не сомневался в этом!

Начинать Колька решил с глубинки, с сельского хозяйства.

И вот, он едет в Поволжье, к своим стареньким родителям, словно сделав большой жизненный круг. Вот и состоялось возвращение блудного сына и в духовном, и в буквальном смысле.

За спиной Николая оставался большой жизненный опыт. Работа прорабом и механиком, бригадиром и просто рабочим, научила его ладить с людьми различных возрастов и национальностей. Спорт его научил также сплоченности, собранности и упорству. Лагерь обогатил в остальных звеньях человеческих отношений. Но самое главное, Колька был в Боге, и Бог был и есть с Колькой. А с Отцом Небесным Колька не боялся никаких трудностей. И он уже знал, что надо собирать сильную мощную команду вокруг себя людей истинно верующих в Бога, в Духе и истине, для которых первоочередным должно быть не свое «Я», а Иисус Христос и люди. И вот, с этими христианами, с этой командой, приступать к возрождению и облагораживанию земли - Русской земли.

Сейчас все стремились в города. Надо показать людям, что полноценная, трудовая, здоровая и плодотворная жизнь с Господом возможна только в союзе с природой, на земле. Чтобы люди вновь, увидев, что это действительно так, вернулись к земле, к корням. И Колька верил, что он на верном пути. Он знал, что Господь ему в этом поможет; ему и его стране!

И вот, Николай, через много лет подходит к родительскому дому. Как он ни крепился, но какой-то ком подступил к горлу, а сердце трепетно застучало в его груди. Когда-то он из Сибири привез родителям маленькие саженцы облепихи и небольшой росток кедрового деревца.

Сейчас он увидел сквозь сетку рабица в саду огромные кусты облепихи, а напротив крыльца, где они с отцом лет тридцать тому назад посадили росток кедр, стоит высокое, стройное хвойное дерево: «Да ведь это кедр!» с радостью подумал Колька, и ему вдруг вспомнились слова из стихотворения, когда-то в лагере сочиненного им, которое он послал родителям к празднику Пасхи, Христова Воскресенья:

*«И на Ветлуге на речке
Птицы запели сильней,
А возле дома цветочки
Стали цвести веселей.
Кедр, что стоит возле окон,
Радостно веткой махнул,
Сын - домой возвратился,
Новую жизнь всем вдохнул!... »*

Нет смысла говорить о встрече..., да это и не высказать!

Затем была новая поездка в Сибирь, вернувшись из которой, Николай и с ним пока еще совсем не много людей, верующих в Бога и Богу людей - приступили к строительству

и организации сельскохозяйственной христианской общины. Наряду с этим не были оставлены без внимания и помощи детский дом в районе, больница и все нуждающиеся люди. А самое важное это то, что первоочередным Николай видел то, чтобы помочь каждому человеку покаяться в грехах своих и обратиться к Богу Иисусу Христу. Рука Божия чувствовалась во всех делах общины, и вскоре это была уже большая христианская семья-церковь, о которой узнавали далеко за пределами района, словно ручейки, стремящиеся в реку, люди потянулись в эти места, находя здесь успокоение своим сердцам. Здесь присутствовал Господь! Здесь началась прелюдия к Симфонии!

20.03.2008

Часть I

Что имеем – не храним,
потерявши – плачем...

Родился Колька в Поволжье. Детские годы и юность его протекали однообразно, как и у всех его сверстников.

Районный центр располагался на правом высоком берегу красивой судоходной реки, которая впадала в Волгу

